

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

ИГОРЬ МОСКВИН
УБИЙСТВО
В НЕВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ

Следствие ведет Иван Путилин

Игорь Москвин

Убийство в Невском переулке

ИД «Флюид ФриФлай»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2 Рос-Рус)

Москвин И. В.

Убийство в Невском переулке / И. В. Москвин — ИД «Флюид ФриФлай», 2019 — (Следствие ведет Иван Путилин)

ISBN 978-5-906827-55-5

Новую серию классических детективов открывает роман об Иване Дмитриевиче Путилине – одном из величайших сыщиков Российской империи. Как писал А. Ф Кони: «В Петербурге в первой половине 70-х годов XIX века не было ни одного большого и сложного уголовного дела, в розыск по которому Путилин не вложил бы своего труда».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2 Рос-Рус)

ISBN 978-5-906827-55-5

© Москвин И. В., 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Содержание

Пролог	6
Глава первая	35
Глава вторая	42
Глава третья	46
Глава четвертая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Игорь Москвин

Убийство в Невском переулке

© И. Москвин, 2019

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

* * *

Пролог

– НЕТУ ОТ ВАС никакого покою Ивану Митричу, – ворчала Глаша, на все руки мастерица, и домашняя хозяйка, и повариха, и экономка в одном лице. – На улице мороз, не приведи господь, а тут происшествия, происшествия... – передразнила она присланного за начальником сыскной полиции Путилиным посыльного. – Да ноги отряхни, – процедила сквозь зубы, – снега по коридору нанесешь, а мне потом от воды избавляйся. Жди, – и дальше порога не пустила, сама же тихими, почти неслышными шагами прошелестела к двери в спальню хозяйина, занесла руку, чтобы постучать.

Иван Дмитриевич не спал, проснулся с час тому и никак глаз сомкнуть не мог, все мысли тяготили, то одно на ум придет, то другое. Ворочался, как детская юла, но сон не шел. Путилин слышал, как раздалось дребезжание колокольчика, как Глаша, вполголоса выражая свое недовольство, пошла отворять дверь. Потом жалобно звякнула цепочка, послышался невнятный бубнеж.

Начальник сыска не стал ждать, когда Глаша начнет с тихого стука, а потом и загрохочет кулаком, поднялся, натянул халат, только с третьего раза попав в рукав, и направился к двери, отворил.

Домашняя хозяйка застыла с поднятой рукой.

– Ну, кто там? – устало спросил Путилин.

– Посыльный.

– Я понимаю, что посыльный. Из наших? – Иван Дмитриевич имел в виду – из сыского, домоправительница поняла.

– Первый раз вижу.

– Пусть пройдет в кабинет.

– Так натопчет, – возмутилась Глаша, но, увидев в свете колеблющиеся свете свечи лицо хозяина, быстро ретировалась.

Через минуту в кабинет, теребя шапку в руках, вошел приземистый мужчина с седыми полосками в бороде и густыми бровями, остановился у входа и, переминаясь с ноги на ногу, произнес:

– Меня это... – Голос, хоть и басовитый, но звучал как-то натянуто, видимо человек оробел, встретив настороженный взгляд начальника сыска.

– Что стряслось? Кто прислал? Давай по порядку и безо всяких околичностей. Понятно?

– Так точно, ваше превосходительство, – званый гость вытянулся, словно на параде. – Понятно, – но так и остался стоять с открытым ртом, то ли не зная, с чего начать, то ли робость, однако, не проходила.

Иван Дмитриевич зажег еще один светильник на три свечи.

– Я слушаю.

– Ваше превосходительство, – набрался смелости мужчина, – близ Черной речки нашли убиенного.

– Не замерзшего?

– Никак нет, убиенного, голова вот тут проломлена, – и он рукой тронул затылок.

– Сам видел?

– Сам, – всем видом говоря: а как же, я лишку никогда не болтаю. – От этого за вами и пристав меня снарядил, сани выделил.

– Господин Евграфов?

– Так точно, Федор Осипыч.

Указанная территория относилась ко 2-му участку Выборгской части, в которой приставом служил штабс-капитан Евграфов, молодой человек, с которым Ивана Дмитриевича не один

раз сводила судьба. Не оставляют преступники без надзора ни один участок столицы, вот и приходится знать чуть ли не каждого околоточного в городе, не то что приставов.

– Погрейся, пока оденусь, – добавил Путилин уже в дверях, – зябко на улице, небось мороз кусает?

– Ишо как, – признался мужчина, – в этом годе зима лютая, ой какая лютая.

У ПАРАДНОЙ СТОЯЛИ сани. Иван Дмитриевич поежился, выйдя из дома, и даже поднял меховой воротник пальто, но, сев на скамью саней, удивился, что не так уж и холодно в столице.

Доехали быстро, всего-то несколько улиц. Посыльный сидел на облучке с извозчиком и ни разу не повернулся, видимо, все-таки робость перед самим Путилиным брала верх.

По пути Иван Дмитриевич ни о чем конкретном не помышлял, мысли бегали, как муравьи: вроде бы голова занята, но непонятно чем. Все какие-то обрывки то о службе, которой в этом году четвертьвековой юбилей, и пора бы на покой, все-таки действительный статский советник... то о злодеях, не ценящих человеческую жизнь, словно она не дана свыше Божьим проведением, а так, пустяк, который можно походя забрать, то снова о том, кто в способности заменить его, Ивана Путилина, на таком ответственном посту.

Здесь мало лизоблюдства и преданного взгляда в глаза вышестоящему начальству, здесь порой надо и под нож с пулями лезть; потом мысли перескочили на зиму...

Так и домчали до места преступления.

ШТАБС-КАПИТАН ЕВГРАФОВ, тридцати с небольшим лет, высокий блондин с короткими волосами и небесно-голубыми глазами, выхаживал по пустырю в ожидании начальника сыскной полиции. В «Справочной книге Санкт-Петербургского градоначальника» Федору Осиповичу было уделено несколько строк:

Православный, женат, воспитывался в частном учебном заведении, на службе с 24 января 1864 года, в должности с 12 апреля 1874 года, в чине с 16 марта 1873 года...

Но эти скудные строки не могли вместить того, что с первого дня Евграфов взялся за околоточных, а потом и за городских, начал наводить порядок, какой только возможно. Больше не стало со стороны полицейских чинов самоуправства. Капитан был скор на расправу, увольнял за большие нарушения безо всякой жалости и к тому же с волчьим билетом. Подчиненные Федора Осиповича побаивались, но уважали за справедливость, иной раз своих в обиду не давал, когда возводили напраслину.

– ДОБРОЙ НОЧИ ИЛИ утра, Иван Дмитрич, – протянул руку Путилину капитан.

– Главное не утро или ночь, а то, чтобы они были добрыми, – улыбнулся начальник сыскной полиции, пожимая руку Евграфова.

– И то верно, но добрым назвать не могу.

– Рассказывайте, Федор Осипович, что стряслось в ваших краях?

– Так рассказывать нечего, от Чернореченского моста, – пристав указал рукою, – до Флюгова переулка, – кивнул в другую сторону, – возвращался из трактира Степан Тимофеев, заметил в стороне на пустыре темное пятно, подошел, ну а далее – в участок, благо он недалеко.

– Значит, Степан Тимофеев.

– Знакомая фамилия?

– Нет-нет, это я так, а дальше?

– А дальше дежурный пошел с Тимофеевым, вызвали меня. Вот и все.

– Вы осматривали место преступления?

– Нет, Иван Дмитрич, я более склонен доверять вашему чутью, поэтому более никто к трупам не подходил, кроме Тимофеева и дежурного.

– Хорошо.

Убитый лежал на спине, широко раскинув руки в стороны. На нем было надето только нижнее белье. Расстегнутый ворот нижней рубахи открывал покрытую седыми волосами грудь, поверх лежал на толстой нитке нательный медный крест.

Иван Дмитриевич сперва остановился подле убитого, обозревая место преступления. Повернулся то в одну сторону, то в другую. Склонился над трупом, повертел в руках нательный крестик, потом выпрямился, и лоб Путилина прочертила морщинка.

– Н-да, – протянул он и пожал плечами. – Становится понятным...

Пристав стоял в нескольких шагах и наблюдал за действиями сыского начальника, хотел было что-то спросить. Уже открыл рот, но воздержался от любопытства, что же все-таки усмотрел здесь Иван Дмитриевич.

– Ну что, Федор Осипович, картина мне ясна, только вот следствие зайдет в тупик, ежели мы с вами фамилию сего человека, – он указал на убиенного, – не узнаем.

– Попробуем, хотя, – засомневался пристав, – вы что-то узнали?

– Немного. – Путилин помассировал пальцами подбородок. – Они приехали...

– Они? Простите, Иван Дмитриевич, – стушевался капитан.

– Судя по следам, их было трое. Ладно, Федор Осипович, не буду напускать туману. Убитый, видимо, чухонец, это видно по белью и кресту на шее, сегодня же двенадцатое февраля, а значит, Сырная неделя, и, скорее всего, он, наш убиенный, прибыл в столицу для извозного промысла. Это я говорю так, что у чухонцев сани приметный на снегу след оставляют, видите, – Путилин опустил на корточки и провел рукою по колее, – обратите внимание, как подкована лошадь, это тоже говорит, что убитый – чухонец.

– Может, чухонец – убийца, вот сюда труп и привез?

– Нет, Федор Осипович, именно чухонец убит, посмотрите на следы здесь и здесь, это два разных человека, один подволакивает ногу, от этого и след такой, словно кто волочит что-то, а второй, наверное, высокий и весу большого, видите, как промятость выделяется. Убитого снарядили, чтобы он в эти края ездовых довел, вот они доехали сюда. Я уж не знаю причину, по которой чухонца попросили остановиться, видите, лошадь гарцевала и натоптала здесь.

– Вижу.

– Так вот, они, видимо, переехали Чернореченский мост, и сюда. Здесь чухонец остановился, сошел с козел и уже на земле получил первый удар по голове, упал ничком, выпростав вперед руки, словно в последнюю минуту жизни пробовал отползти от злоумышленника. Вот видите, он доскреб до земли, и его еще два раза ударили. Потом сняли с него одежду и на санях уехали.

– Вот поэтому, Иван Дмитрич, я и не подходил к трупу, чтобы не затоптать следы. Я, ей-богу, не заметил того, что увидели вы.

– Не наговаривайте на себя, Федор Осипович, вы все бы заметили и без меня, ведь следы многое дают. Так что стоит искать пропавшего чухонца.

– Да, задачка, – провел рукой по шее капитан.

– Я вам предлагаю проверить постоянные дворы в округе. Думаю, в такой поздний час, как совершено было убийство, чухонец взял последних седоков, которые следовали в его сторону, не думаю, чтобы он промышлял ночью, в такое время люд в теплых постелях и не получишь много денег, а вот днем другое дело. Поэтому ищите в первую очередь чухонца, который заплатил за ночлег вперед за несколько дней, а сам не приехал.

– Но ведь сегодня первая ночь, когда он исчез.

– Федор Осипович, не мне вас учить, как искать пропавших. Не первого же вы разыскиваете. Тем более вы на своем участке даже иголку сможете найти.

– Это вы верно подметили, – улыбнулся пристав. – Хотя не перехваливайте.

– Отнюдь, – на лице Путилина тоже появилась улыбка, – не обессудьте, но я могу не только отпускать комплименты.

– Знаю.

– И надеюсь, мне не придется привлекать сыскных агентов к розыску ночлега чухонца.

– Не придется, – со всей серьезностью в голосе произнес штабс-капитан Евграфов.

Иван Дмитриевич долго не размышлял, ехать ли домой или в сыскное.

– На Большую Морскую, – Путилин стукнул по плечу тростью извозчика.

Дежурный чиновник не удивился раннему приходу начальника сыскной полиции, сдержанно поприветствовал, доложил о происшествиях, коих на утренний час не наблюдалось. Об убийстве пристав Евграфов не доложил, ему самому еще не доложились об этом происшествии...

ШТАБС-КАПИТАН ЕВГРАФОВ отправился в участок, домой идти после вечерней размовки с женой не очень-то и хотелось. За завтраком видеть недовольное лицо любимой женщины было выше сил, особенно когда ее алые губки капризно надувались, а взгляд выражал такую обиду, что хотелось провалиться, лишь бы не ощущать на себе этот выразительный взор.

Окна участка выходили в сторону Бабуриного переулка – унылый пейзаж, в особенности весной и осенью, не радовал взгляд, а сейчас, в зимнее время, хотя бы белый цвет навевал не такие мрачные чувства.

«Первым делом, – размышлял пристав, – надо дать указания околоточным. Каждый из них знает свой участок как свои пять пальцев. Нужно искать лошадь и сани, но о них будет известно после выявления фамилии чухонца, ведь те, кто с ним ночевал, по всей видимости, видели и сани, а значит, могут описать какие-нибудь приметные детали, а далее... – Капитан сжал до боли губы. – Далее, далее... – вертелось в голове, но так ничего толкового и не пришло. – Далее ничего не остается, как идти на поклон к Ивану Дмитричу. А почему, собственно говоря, на поклон, служим одному государю и выполняем одно дело – следим за порядком в столице, пресекаем злодеяния, а если те и происходят, то учинившего преступление надобно, находить, и «тогда ему воздадут по делам его», – закончил он размышления словами из Святой книги...

К семи часам околоточные стояли в коридоре, опасаясь войти в кабинет пристава. Гадали, что могло стрястись, по какой такой надобности их собрали в участке в столь ранний час, ведь часом позже они все равно должны были явиться с докладами о состоянии дел в околотке. А сейчас, как в особом случае, капитан Евграфов отправил за ними посыльных с указаниями.

– Наверное, убийство случилось, – хмурился один.

– Точно, – говорил другой. – Не без этого.

С хмурыми лицами они входили в кабинет, украдкой бросая взгляды на озабоченное лицо Федора Осиповича.

– Я вас вызвал по важному делу, – начал пристав, не поприветствовав собравшихся. Такое случалось не часто. Видимо, слишком озабочен был участковый начальник. – Слышали, что на пустыре Языкова переулка найден убитый? Исходя из того, что он раздет, это разбойное нападение с целью грабежа. Убит, по всей видимости, чухонец, приехавший в столицу подрабатывать извозом, и, скорее всего, он остановился на постоялом дворе. Так как началась Сырная неделя, то, скорее всего, заплатил он за неделю вперед, но, может быть, остановился у знакомых, поэтому расспросить надо всех. А так как вы знаете участок хорошо, и вам знаком каждый житель и приезжий на доверенной вашему вниманию территории, и, ко всему прочему, вы в состоянии проверить подопечные вам околотки, через два часа жду вас со сведениями

о чухонце, то есть фамилией убитого, приметам лошади или саней, на которых он приехал сюда. Вас более не держу, можете быть свободными.

Федор Осипович поначалу сам хотел проверить все постоянные дворы, но потом отказался от такой затеи. Участок хоть и невелик, но вдруг и правда чухонец остановился у знакомых, тогда надо проверить чуть ли не каждый дом на участке, а это, мягко говоря, задача для него непосильная, а околотовные каждого жителя знают, вот задача по ним.

ПУТИЛИН, УСЕВШИСЬ В кресло, откинулся на спинку и предался размышлениям. Стоит ли послать сыскных агентов на поиски ночлежного места чухонца, или довериться приставу? Штабс-капитан Евграфов толков, сметлив и служит по чести, по крайней мере о мздоимстве никто не упоминал, хотя здесь ничему верить нельзя. Вот действительный статский советник Мстиславский из Вологды ставился в пример как образец добродетели, одной рукой нуждающимся помогал, человеколюбивое общество организовал на собственные деньги, а второй – мощну набивал, не только деньгами купцов и деловых людей, но и в государственную казну другую руку запустил, да так глубоко, что до сих пор комиссия разбирается. Но если о каждом такие мысли держать, то и доверять никому нельзя будет. Иван Дмитриевич покачал головой и взялся за чтение «Иллюстрированной недели» за десятое февраля, чтобы отвлечься от мрачных мыслей.

На первой странице был рассказ Шкляревского «Через преграды», начало напечатали в прошлом номере, но когда Иван Дмитриевич начал чтение, ему показалось в повествовании все фальшивым: и описания, и диалоги. Путилин поморщился и перелистнул дальше. Очерк о самозванце не привлек темой. «Сколько их ныне развелось?» – ненавязчиво мелькнуло в голове и пропало.

В прошлом номере без указания имени автора под повестью с неприятным названием «Золотое сердце» Путилина привлекла подпись «Из уголовной хроники», но после одной страницы непросветного бреда о графьях, подменных детях, потайных комнатах и лживых размышлений Иван Дмитриевич вскинул брови кверху и с досады покачал головой: «Неужто кто-то это читает?»

Вот о чем говорилось на страницах «Внутреннего обозрения»:

Защита государства безусловно требует вполне надежной боеспособной армии. Вопрос о сроке службы новобранцев в войсках – вопрос для нее жизненный; и вся военная повинность была бы бесплодна, если бы при недостаточном сроке ограничивались лишь производством недоученных масс, которых, в строгом смысле, нельзя было бы назвать войском.

Статья была продолжением споров о сроке воинской повинности на действительной службе, который ранее сократился с двадцатипятилетнего срока до двенадцати, и этот срок был велик.

Крестьянин отрывался от земли, рабочий – от заводского или фабричного места, таким образом выпадал из жизни, вот и возник вопрос о преобразовании армии, но года шли, и даже Крымская кампания ничему никого не научила. Надо было двигаться вперед, иначе выйдет как в Европе. Пока считающаяся самой сильной французская армия почивала на лаврах, германские войска маршировали по улицам Парижа. Здесь давать слабинку нельзя ни в оружии, ни в людях, которые обучаются владению порученным им оружием.

По мнению воинских начальников, наиболее ответственных в образовании солдат, при наших неблагоприятных условиях необходимо, по крайней мере, прохождение каждым солдатом не менее пяти периодов летних занятий, и должно ныне считаться лишь наименьшим сроком службы.

Еще в статье говорилось, что оптимальным сроком для службы остаются семь лет, тем более что империя тянется не на одну тысячу верст с востока на запад и учения необходимо проводить в разных условиях.

Путилин отложил в сторону газету.

Далее целая страница отведена визиту австрийского императора Франца-Иосифа II, не обошедшего наградой в честь приезда и действительного статского советника Ивана Дмитриевича Путилина Командорским крестом 3-й степени, памятуя быстрое расследование убийства военного аташе графа Аренсберга, происшедшего в столице пять лет тому и едва не погубившего двух императоров.

ШТАБС-КАПИТАН ЕВГРАФОВ два часа не выходил из кабинета, переживая за порученное околотоchnым задание. Казалось, что они не справятся, а в следующую минуту возростала уверенность – еще миг, и придет с радостным известием один из подчиненных.

Волнение не давало покоя, хотелось что-то делать, бумаги, присланные из канцелярии градоначальника, прочитаны были не один раз, рапорты околотоchnых более не вызывали улыбки, хотелось побыстрее получить известия, дающие повод либо к радости, либо к огорчению.

ПУТИЛИН ДОВЕРИЛСЯ ПРИСТАВУ, Не все перекладывать на плечи сыскного отделения, пусть и приставы с околотоchnыми поработают, тем более знают они свои участки лучше кого бы то ни было. Надо доверять, хотя в то же время и проверять. Не все служат царю и Отечеству верой и правдой. Сколько раз сведения утекали к преступникам. Верно сказано: доверяй, но проверяй. Не все в руках Божиих, в большинстве случаев в руках человеческих, иной раз продажных и не внушающих доверия. В последнее время Иван Дмитриевич все более и более склонялся к тому, чтобы уйти на покой. Здоровье подорвано, ноги порой переставали слушаться, глаза словно песком засыпаны. Дышать и то порой было больно, пора в отставку. Двадцать пять лет службы, часть времени он провел в засадах, переодеваниях... Ножевых ран не пересчитать, несколько пуль извлечено хирургами, а он, действительный статский советник, еще ходит, дышит и, главное, ловит злоумышленников. На самом деле Путилин устал – порой начнет читать газету, книгу или реляцию из министерства, и ловит себя на мысли, что вроде бы половину документа или рассказа прочитал, а в голове ничего не осталось, вот и приходится возвращаться к началу. Нет, пора на покой, пора, хотя грех признаться, что скоро всего лишь сорок пятый год.

ЧЕРЕЗ ЧАС ЯВИЛСЯ один из околотоchnых.

– Да, Федор Осипович, вы правы, сегодня на постоялый двор по Муринской старой дороге не явился ночевать постоялец.

– Так-так... – заинтересованно произнес пристав, а у самого и глаза заблестели.

– Крестьянин Выборгской губернии Андерс Паксу, – заглянул в бумажку околотоchnый.

– А приметы? – Штабс-капитан Евграфов вскочил со стула, снял висевшую на крючке шинель и на ходу начал ее надевать. – Что-нибудь приметное есть? Не может же не быть? – с потаенной радостью в голосе нетерпеливо проговорил он.

– А как же, – околотоchnый приободрился, предвосхищая грядущее поощрение. – Лошадь подковки имеет приметные, на каждой инициалы хозяина «А» и «П» латинскими буквами, и на санях полозья железные, с правой стороны задняя часть скручена, а со второй отломан кусок завитка, потом те же полозья прибиты к деревянным направляющим, и эти направляющие покрашены в красный цвет.

– Понятно, более ничего примечательного?

- Разговаривает чухонец растягивая слова и слегка заикаясь.
- Ну, это навряд ли пригодится, я – в сыскное... – И вышел на улицу.

– ВОТ И ВСЕ, – с удовольствием в голосе и довольным видом произнес Федор Осипович, расстегнув шинель, удобно присаживаясь на стул, давая понять начальнику сыскной полиции, что, мол, и мы умеем полезными следствию быть.

– Очень хорошо, – Путилин никогда не стремился ущемить полицейских столицы, расставляя приятные слова, – не ожидал так быстро получить нужные сведения, я не рассчитывал, что именно на вашем участке остановился убиенный, ведь столица велика.

– Честно говоря, и у меня сомнения были, – признался пристав. – То, что убийство совершено на территории участка, не говорит о том, что и чухонец проживал там. Иван Дмитриевич, а что далее?

– Далее оповещу все части и участки, каждого городского столицы, и если преступники не покинули столицу, то сегодня к вечеру я буду знать, где находятся убийцы.

– Но они могли сразу же продать сани и лошадь?

– Могли, но я так не думаю. Они совершили злодеяние ночью, забрали платье, верхнюю одежду, выгребли из карманов деньги, а значит, направились в трактир, либо к себе на квартиру, может, в дом. Но я склоняюсь к тому, что здесь у них дом, где они могут поставить лошадь, всю ночь на морозе ж ее не удержишь.

– И то верно.

– Для нас это обстоятельство усложняет ситуацию, но ничего не меняет. Вдруг объявившуюся лошадь в карман не спрячешь.

– Именно.

– Так что, – Иван Дмитриевич на секунду остановился, – не буду вас обременять подробностями, но, думаю, к вечеру, возможно, мы задержим злодеев.

– Хотелось бы узнать первым об их аресте, – пристав поднялся, застегивая шинель.

– Непременно, преступление совершено на приданном вам участке, поэтому вы первый узнаете о завершении расследования.

– Мне бы вашу уверенность, – уже в дверях вздохнул штабс-капитан Евграфов.

ПУТИЛИН НАБРОСАЛ НЕСКОЛЬКО строк и вызвал дежурного чиновника.

– Вот это, – он протянул лист сероватой бумаги, – в срочном порядке необходимо разослать по отделениям, частям, но самое главное – по участкам, именно по участкам. Они более знакомы с населением, и вызови ко мне господина Соловьева.

– Господин Соловьев в отсутствии по делу майора Ордынцева.

– Да-да, я помню, тогда Василия Андреяновича.

Дежурный чиновник кивнул и скрылся за дверью, несколькими минутами позже постучал и без приглашения, на манер Миши Жукова, бессменного помощника, вошел среднего роста, широкий в плечах и с неизменной застенчивой улыбкой надворный советник Иванов. Он хоть и недавно приступил к службе, но не только вписался в сыскную полицию, но и переизнакомился со множеством преступников. Память у него была, словно архив у письмоводителя. Все по полочкам и, когда надо, отыскивалось быстро.

– Добрый день, Иван Дмитрич!

Путилин в ответ только кивнул и указал на стул рукой. Иванов присел.

– Вы, наверное, уже знаете о происшествии во втором участке Выборгской части?

– Нет, – ответил надворный советник.

– Ах да, – сморщился Путилин, день только начинался, и не все отчеты были присланы из участков и сведены в журнал приключений, – так вот, – и он вкратце рассказал об убиенном, сведениях, полученных приставом Евграфовым.

- Значит, Андерс Паксу, и сведения о приметах уже рассылаются по участкам?
- Вы верно уловили.
- А мне следует найти лошадь и сани?
- Да. Вы же понимаете, что тогда и преступника найдем?
- Понимаю.
- Есть соображения?
- Смутные, – признался надворный советник, – мне надо немного подумать. – Василий Андреянович поднялся со стула. – Я, с вашего позволения, отъеду кое-что уточнить.
- Не возражаю, но только после того, как поделитесь со мной умозаключениями, а я своими с вами. Посмотрим, насколько они совпадают.
- Хорошо.

С ОДНОЙ СТОРОНЫ, лошадь с санями не иголка, но в таком городе, как Санкт-Петербург, такая безделица становилась сродни капле в море: вроде бы есть, но найти невозможно. Василий Андреянович перебирал в голове имена не тех, кто мог совершить кровавое преступление, а тех, кто мог купить у убийц сани с лошадыю, таких людей было немного.

Фамилии и прозвища строками ползли перед глазами, некоторые надворный советник отметал сразу, некоторые задерживались, чтобы потом вновь к ним воротиться.

Почти полчаса Василий Андреянович ходил по кабинету из угла в угол, порой останавливаясь, а иной раз размахивал руками, так что складывалось впечатление, что он беседует с невидимым собеседником.

– МНЕ КАЖЕТСЯ, НАШИ убийцы... – начал с порога надворный советник. – Здесь вы, Иван Дмитрич, правы... На самом деле злодеев двое. После преступления они, видимо, направились в трактир куда-нибудь на Охту, Ланскую или Озерки. Я более склонен думать, что второе более вероятно. На окраине столицы содержатели заведений, где можно выпить чарку водки, не так строго придерживаются законов, да и полицейские чины по ночам там редкие гости.

- А ведь Ланская неподалеку от постоянного двора, где останавливался убиенный?
- На то и расчет. Кто ж будет искать лошадь и сани пришлого чухонца в первый день исчезновения? Притом кто мог предположить, что полиция опознает убитого сразу же?
- И то верно.
- Эти злодеи пока спокойны и не спешат избавиться от обузы в виде лошади. А на окраине есть где поставить в тепло лошадь.
- Значит, вы прикинули, в какое заведение они поехали?
- Конечно, ведь там есть куда сбыть с рук опасный товар.
- Федьке Веселому, что ли?
- Точно так, Федор Семенович Перышкин, по прозвищу Веселый, скупщик товара, приобретенного нечестными людьми не совсем законным образом, да еще содержатель дома терпимости – предприимчивый господин, деньги из рук не выпустит.
- Полностью согласен... Уверены, что у Веселого?
- Уверен, – выпалил Василий Андреянович, – даже более чем.
- Что ж, берите трех агентов, и на Ланскую, надеюсь, не надо вас учить, как поступать с преступниками, – было не понять, говорит Путилин серьезно или шутит.
- Разберусь, – уклончиво отвечал надворный советник.
- А если, – услышал надворный советник, выходя из кабинета, и обернулся, – преступление совершили залетные?

Иванов ничего не ответил.

Мрачный двухэтажный деревянный дом встретил сыскных агентов тишиной, словно в такой час никто не проснулся и продолжал отдыхать. А ведь Веселый принимал «гостей» чуть

ли не до первых петухов. Правильно сказал один из римских императоров, что деньги не пахнут, а только делают богаче их обладателя.

Странно, но дверь черного входа была открыта, и сыскные агенты не преминули воспользоваться сим обстоятельством.

БЛИЖЕ К ПОЛУДНЮ в отделение явился Жуков, самый молодой из сотрудников сыскной полиции и по совместительству помощник Путилина. У Ивана Дмитриевича не поднималась рука перевести Мишу в чиновники для поручений, хотя несколько раз освобождалась должность. Все, казалось, молод, пусть сначала опыта наберется, а уж потом...

В коридоре начальник сыскного отделения столкнулся с помощником.

– Иван Дмитрич, – обрадовался Миша, – а я к вам.

Путилин только тяжело вздохнул и посмотрел в глаза помощника.

– Иван Дмитрич, я тут с утра узнал от дежурного чиновника об убийстве в Языковом переулке и прочитал ваш циркуляр участкам, – начал Жуков. – Вот я и подумал, что недавно на Волковке такой же случай произошел, но тогда возница остался жив и взял ездовых на пересечении Екатерининского канала и Малой Мещанской улицы. Я взял с собою Леву, и туда, там ведь находится дом мадам Медведковой, недорогое заведение, именно для таких, как нападавшие.

– И? – не выдержал Путилин.

– Стоят сани с красными полозьями, со сломанной одной лыжей, вот лошадь не проверил, времени не было, да и внимание привлекать не хотелось.

– Значит...

– Совершенно верно, Лева там следит, а я за вами.

– Если преступники пешком уйдут?

– Иван Дмитрич, вы что, Леву не знаете?

Да, Лева Шахов, когда-то Арон Шляйхер, единственный иудей, принятый на службу в сыскную полицию по ходатайству Ивана Дмитриевича, сменил имя, но не данную природой внимательность и мыслящую голову. Если он следил за кем-то, то с полной уверенностью можно сказать, что не отступится ни на шаг, но ведомый так и не заметит маленького шустрого человечка с черными волосами и едва заметной хитрой улыбкой.

– Сколько их?

– Один, – Миша понял, что речь идет об убийцах.

– Один? – удивился Путилин.

– В заведении один, – успокоил своего начальника Жуков, – второго там нет.

– Почему не задержал?

– Иван Дмитрич, я ж не ведаю ваших планов, может быть, надо просто проследить, вот мы...

– Хорошо, возьми с собою агентов, кто в отделении, и привези мне голубчика.

– Александра, – сказал Миша Бровь Путилина поднялась кверху. – Он назвался Александром.

– Поезжай.

– МАДАМ, Я...

– Знаю, Мишенька Силантич, кто вы такой, знакомы заочно, – содержательнице дома терпимости мадам Медведковой недавно пошел сорок седьмой год, но лицо ее осталось без единой морщинки, и не было у нее на лице той отвратительной пудры, что в ее годы пользуют дамы, скрывая пелену лет. Выглядела она привлекательно – обворожительная открытая улыбка... Но вот настороженный взгляд карих глаз не скрывал раздражительности. – Я пони-

маю, вы пришли, – она указала на двух агентов, стоящих у него за спиной, – не ради получения наслаждения.

- Вы правы, мадам, – Жуков жалостливо вздохнул, – нам нужен один из клиентов.
- Понимаю, служба.
- Совершенно верно.
- Мне кажется, что нужен вам владелец тех саней, что стоят во дворе? Очень подозрительная личность их владелец, мало того что появился ночью, так все лучшее ему подавай.
- Вы очень проницательны, мадам.
- Благодарю за комплимент, и зовите меня Марией Ивановной. Меня коробят такого рода слова, как «мадам».
- Так где мы можем найти господина Александра?
- На втором этаже, первая комната справа, но прошу вас, Михаил Силантыч, без стрельбы, сломанной мебели и разбитых стекол.
- Постараемся.

МИША ПОСТУЧАЛ ЛЕВОЙ рукой, в правой за спиной держал пистолет, так, на всякий случай. Щелкнул замок, и из-за двери выглянула девушка с глазами мутными от водки, выпитой ночью. Помощник Путилина поманил ее пальцем и показал жестом молчать.

- Где он? – тихо шепнул Миша.
- Девушка неопределенно кивнула за спину.
- Кто там? – раздался хриплый голос.
- Вино принесли, – не растерялась девушка.

Миша мягко отодвинул проститутку в сторону и прыгнул в комнату.

Перед ним, держась за край стола, предстал очень бледный человек с прямыми, тусклыми, давно немытыми волосами, с высоким выпуклым лбом и непроницаемыми глазами. Он метнул на Жукова подозрительный взгляд, потом на окно, и с невероятной быстротой рванулся к двери, сбив с ног Леву и оттолкнув второго агента. Миша бросился за ним и только перед порогом умудрился выставить ногу вперед, о которую и зацепился убежавший.

Уже потом Жуков поинтересовался:

- Александр?
- Что надо?
- Александр?
- Ну.
- Прошу следовать за мной, и без фокусов.
- Если не пойду?

Миша приказал агентам, сопровождающим его:

- Вяжите.
- Я... – начал было Александр, но устало опустил на стул, закрыв лицо руками.
- Говорил же ему, не стоит, а он: «Все пойдет как по маслу... Как по маслу...» – передразнивал кого-то задержанный.

В сыском он назвался Александром Меркуловым, порховским мещанином, приехавшим с столицу с братом Алексеем, который скрылся из-под надзора лужской полиции.

НЕ УСПЕЛ ЯВИТЬСЯ Жуков с радостной вестью, как от надворного советника прибыл один из агентов.

- Иван Дмитрич, – начал агент с порога, – Федька Веселый с домочадцами убит...

– ИВАН ДМИТРИЧ, – НАЧАЛ с порога агент, запыхавшийся и потный лицом, словно от Ланской бежал, а не ехал на санях, – Федька Веселый с домочадцами убит.

Путилин в изумлении поднялся с излюбленного кресла и, заикаясь, произнес:

– К... к... к... как убит?

Сыскной агент вытер со лба шапкой пот.

– Убит, я толком не знаю, но одни ножом изрезаны, другие задушены, но что кровью все залито, могу сказать точно. Самолично видел.

– Дела... – Иван Дмитриевич ударил кулаком по столу и, играя желваками, прошел к окну. – Вот новость так новость! – потом повернулся к агенту и спокойным голосом приказал: – Позови дежурного чиновника!

Распоряжений было немного: разыскать, хоть из-под земли, чиновников по поручениям, доктора, и направить их незамедлительно в Ланскую, в дом Федьки Веселого, известного в столице скупщика краденого, содержателя дома терпимости и человека, за плечами которого не один десяток организованных преступлений.

Уже на улице, когда Иван Дмитриевич удобно расположился на скамье саней, объявился Жуков, занимавший должность помощника Путилина.

– Убийца задержан, – Миша не сдерживал пышущей довольством улыбки.

– Садись, – начальник сыскного отделения кивнул на свободное в санях место.

– А как же... – не договорил помощник, указывая на задержанного, потом повернул голову к агентам, распорядился: – Меркулова в камеру, – и осторожно опустил на скамью саней.

– Федька Веселый убит.

– Да ну, – присвистнул Миша.

– Не было печали, – Иван Дмитриевич смотрел куда-то в небо и, словно очнувшись от забытья, распорядился: – Трогай.

СНЕГ СКРИПЕЛ ПОД полозьями, навевая печальные мысли. Небо распогодилось, и быстро бегущие темные тучи лишь изредка закрывали от взора не по-зимнему греющее солнце. В ярком свете дома смотрелись особенно нарядно, глаза слепили блики отражавшегося в окнах дневного светила. Народ на улицах суетился, шел по своим делам, смеялся, громко разговаривал, но никто и не подозревал, что смерть всегда стоит с остро заточенной косой рядом и в любую минуту может одним движением перерезать нить жизни, как недавно случилось в Ланском, где Федор Семенович Перышкин, по прозвищу Федька Веселый, лежит с перерезанным горлом в темной комнате второго этажа, где хранил деньги, золото, процентные бумаги, как говорил, на старость. Как ни загадывай, какие ни строй планы, сколько ни копи денег, итог один – всего с собою не заберешь, даже, может, этим накопленным не воспользуешься.

Иван Дмитриевич знал Федьку давно, но никак не мог поймать. Осторожным был Перышкин, никогда своими руками ничего не делал, но вот и его час настал. Пока ехали, Путилин размышлял, кому мог перейти дорогу Веселый, или, может быть, убийство из разряда «вор у вора дубинку украл». Тогда сложно найти настоящего убийцу, хотя если Федька кого-то впустил, то, значит, знал убийцу, или этот кто-то мог восточку принести из мест не столь отдаленных, а мог и просто посетителем публичного дома быть. Услуги недорого, подопечных Веселый не жалел, главное, чтобы доход приносили, притом деревень и сел по губернии много, а по России и не счесть, крестьяне всегда рады от лишнего рта избавиться.

Бег лошадей с каждым шагом приближал к печальному месту, где поселилась вездесущая смерть.

В ДОМЕ ФЕДЬКИ Путилин бывал не раз. Пока ехал, силился вспомнить, когда такая оказия представлялась в последний раз. За суетой повседневных дел забывается многое, более в памяти сидят места преступлений, приметы, подмеченные острым взглядом, злодейские лица.

Ланская встретила тишиной, до дома Веселого на улицах не встретилось ни одного человека, словно и в самом деле печальный ангел простер черные крыла над, казалось, вымершим районом.

Вокруг дома высился трехаршинный забор с вычурными резными воротами и калиткой под навесом, видимо, чтобы приходящие не мокли под дождем и снегом.

Иван Дмитриевич первым вышел из саней, размял ноги и осмотрел окрестность. Ближайшие дома находились саженьях в пятидесяти с одной и второй сторон. В том, что справа, дым белесым столбом поднимался в небо – ветер стих. В том, что слева – не убран даже от снега двор, это говорило о том, что хозяева перебрались в другое место.

Ворота в Федькин двор были открыты настежь, в глубине виднелись еще одни сани.

– Пристав? – то ли сказал, то ли спросил Миша.

– Сейчас и узнаем, – с горечью в голосе произнес Путилин.

На пороге дома стояли люди, среди которых выделялся надворный советник Иванов, в военной шинели местный полицейский начальник, пристав 1-го стана Лесного участка поручик Авчинников с подчиненными, агенты и человек в статской одежде, которого Иван Дмитриевич не мог признать.

Начальник сыскного отделения сдержанно поздоровался со всеми, не подавая никому руки.

– Иван Дмитриевич! Мы вас заждались, – первым произнес пристав, спускаясь с крыльца и протягивая Путилину руку, и, словно бы оправдываясь, добавил: – Вот при каких обстоятельствах приходится встречаться.

– Да, перед погодой и преступлением преимуществ мы не имеем.

– Совершенно так, – согласился исправник. – Не приведи господь встречаться при таких обстоятельствах.

– Что стряслось? – Иван Дмитриевич повернул голову к надворному советнику Иванову, чиновнику по поручениям.

– Пятеро убитых.

– Пятеро? – вскинутая Путилиным кверху бровь говорила об удивлении.

– Пятеро.

– Но если заведение Федьки Веселого работало, а оно не могло не работать, то их должно быть больше.

– Согласен с вами, Иван Дмитриевич, – после того, как прочистил горло кашлем, сказал поручик Авчинников. – Но и так трупов много.

– Я не о том, – отмахнулся начальник сыскного отделения, – значит, пятеро, а женщины?

– Одна.

– Однако странно, что одна, – раздражение не покидало Ивана Дмитриевича, наполняя каким-то неясным состоянием, вдруг появившейся ниоткуда тревогой, и ко всему прочему невидимая рука мягкими пальцами начала сжимать под лопаткой сердце, – показывайте, – и, шумно выдыхая воздух, он тяжело поднялся на крыльцо, придерживаясь за перила, – чем земля Ланских богата.

Иванов распахнул дверь.

– Я пройду первым, – предупредил надворный советник, – тем более что там я бегло осмотрел все.

Путилин слегка подтолкнул в плечо чиновника по поручениям, мол, не надо оправданий.

В передней по традиции сидел Иван Кожемякин, детина под три аршина ростом с широкими плечами и мощной, как у быка, шеей, служил Федьке Веселому словно цепной пес; ни один не внушающий доверия клиент не избежал бы встречи с вышибалой и не был бы допущен в святая святых хозяина – заведение. Ни следов борьбы, ни следов крови, что само по себе вызывало вопросы.

Иван Дмитриевич остановился, внимательным взглядом окинул переднюю, отметил, что все находится на местах, словно Кожемякин отлучился по нужде, оставив на сундуке, на котором вышибала дневал и ночевал, овчинный тулуп.

Далее шла большая комната с двумя столами, вокруг которых стояло по три стула, вдоль стен разместились несколько диванов, по углам – кадки с высокими зелеными растениями, раскинувшими шатрами ветви. На стенах дешевые картинки, и складывалось впечатление, что хозяева, обитатели, на секунду вышли прочь. Путилин прошел по комнате, провел рукою по столешнице, ни единой пылинки, даже комната не успела простыть, словно еще недавно в печь подбрасывали поленья.

Из комнаты на второй этаж вела лестница, под ней приоткрытая дверь.

– Она была открыта? – Путилин повернул голову к надворному советнику и тростью указал на дверь.

– Да, я ее прикрыл так, как она и была.

– Что там?

– Комнаты для уединения с девицами, наверху, – он указал рукой, – тоже таковые имеются.

Иван Дмитриевич прошел в коридор, оказавшийся совсем не длинным, по обе стороны по три двери, напротив входа окно, задернутое портьерой из грубого полотна.

Во всех комнатах порядок, постели застланы, словно в добропорядочном доме поутру, на полках, на шкафчиках стояли безделушки – статуэтки из гипса, какие-то фотографии в рамках, цветы из бумажевых тканей, на стенах дешевые картины, написанные, видимо, самоучкой. Ни следов крови, ни борьбы, ничего, словно девицы сами по себе взяли и испарились в воздушной дымке.

– Где комнаты прислуги и кухня? – обратился Путилин к надворному советнику.

– Рядом, – ответил Иванов, – пройдемте.

Но и там порядок, ни крови, только приготовлены кухаркой продукты – почищенные лук и морковь, капуста и свиной окорок, моченые яблоки, брусника, но все-таки заметно, что все в спешке бросила и сбежала.

Рядом с кухней находилась комната хозяина, Федьки Веселого. Она была небольшой, всего-то широкая разобранная кровать, резной шкаф со стеклянными дверцами, за которыми виднелись графины, стаканы, рюмки, фужеры, рядом большой кованный железными узорчатыми пластинами сундук, теперь стоявший с открытой крышкой и сложенными внутри дорожными вещами, казалось, их приподняли и положили на место, в углу стоял массивного вида сейф с открытой дверцей. Путилин заглянул внутрь, там было пусто.

Федька лежал поперек кровати. Складывалось впечатление, что ранее неизвестные держали его – один за ноги, другой за руки, хотя Веселый и был не маленького роста, да и силенкой обладал не малой. На белой рубашке напротив сердца расплылось пятно крови, теперь подсохшее и ставшее коричневым. Начальник сыскного отделения наклонился над лицом хозяина, осматривая открытые с некоторым удивлением глаза.

– Теперь на второй.

На втором этаже ничего любопытного не было, только четверо убитых, и то складывалось впечатление, что смерть настигла четверых внезапно, словно они не ожидали ее, даже улыбались, словно...

– Так, видимо, и есть, – произнес Путилин. – Скорее всего, так и было, – вполголоса добавил он.

Надворный советник не выказывал любопытства. Он знал: Иван Дмитриевич сам все расскажет и даст указания в нужный час, наверное, ухватил, как говаривал, за кончик веревочки.

ПРИСТАВ ОСТАЛСЯ НА крыльце, ранее отговорившись тем, что насмотрелся на войне убиенных и сейчас не жаждет видеть таковых вновь.

Иван Дмитриевич вышел во двор, свежесть морозного дня окутала прозрачным воздухом. Путилин глубоко вздохнул, словно в доме не хватало воздуха для дыхания из-за витающей смерти.

Умолкли даже полицейские, стоящие у ворот, чтобы никто из посторонних или любопытствующих не проник в дом. Глаза присутствующих были направлены на начальника сыскной полиции, не иначе ждали, что он сведет брови к переносице и... укажет перстом на преступников.

– Что могу сказать, любезный Александр Иванович, – Иван Дмитриевич и в самом деле выглядел расстроенным, то ли от свалившейся напасти в виде пяти трупов, то ли по причине того, что преступления, совершенные в губернии, теперь приданы в расследование столичной полиции, то ли по причине плохого самочувствия, – пять загубленных жизней – это не кража из кармана полтинника. Надеюсь, что злодеи, а их здесь, – он указал на дом, – было трое, скоро будут в кандалах.

– Как? – перебил исправник Ивана Дмитриевича, но так и не договорил.

– Следы.

– Но ведь...

– Совершенно верно, господин поручик, надо обращать внимание на мелочи, которые в нашем деле имеют первостатейное значение. Вот вы стояли на крыльце, затоптали все следы, а ведь могли бы обратить внимание, что Кожемякин, хозяйский цербер, вышел на крыльцо встречать гостей, которые, к слову, пришли не только грабить Федьку Веселого, ибо у него есть чем поживиться, но и пустить кровь. Первой жертвой стал вышибала, он встретил дорогих гостей у порога, даже сам вышел на крыльцо, чтобы их пропустить вперед. О чем толкует сей нам факт?

Авчинников пожал плечами.

– Знакомы они были или, по крайней мере, вышибала Кожемякин знал по меньшей мере одного из них и с почтением отнесся к гостю.

– Скорее всего.

– Не знаю, кто нанес смертельный удар, но вышибалу зарезали ударом в сердце, крови не брызнуло, видимо, Иван был одет в накиннутый на плечи тулуп; в последнюю секунду, когда убийца выхватывал из груди Кожемякина нож, тот схватился за лезвие и порезался, видите затоптанные алые капли, это и есть кровь вышибалы. Вы осмотрели двор?

Надворный советник открыл было рот, но ничего не произнес под пристальным взглядом Ивана Дмитриевича.

– Снега давно не было, и двор затоптан, но посмотрите где-нибудь у забора или за ним кучу снега, там, я думаю, и лежит брренное тело Ивана Кожемякина. Не могу точно сказать, почему не бросили его в сених, не знаю. Может, чего-то опасались, не знаю.

– Может... – начал пристав, но осекся.

– Вот мне одно не дает покоя – девицы. Где они, сказать не могу, но смею предположить, что они, как ходовой товар, увезены на продажу в другой дом терпимости, хотя вести такой гарем очень затруднительно. Сколько их здесь было? – обратился Путилин к исправнику.

– Семь.

– Значит, семь.

– Да, – предвосхищая вопрос начальника сыскной полиции, исправник сказал: – Среди убиенных ни одной из них нет.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Убийцы заглянули на кухню, потом прошли в комнату Федьки, он, видимо, поднялся и успел натянуть на себя портки, значит, пришедшие явились чуть позже пяти. Веселый всегда хвастал, что, несмотря ни на что, просыпался в пять. Поутру он пил чай и начинал заниматься делами. Исходя из вышеизложенных фактов, злодеи явились в пять, когда большинство обитателей сего дома отходит ко сну.

– Но Федька-то поднимался?

– Точно так, вот поэтому мы и можем говорить о времени убийства. Федьку один держал за ноги, навалившись телом, второй – заломил руки, а вот третий схватил за горло и периодически отпускал, я могу предположить, что требовали ключ от сейфа.

– Но его же зарезали?

– Да, но вы видели следы на шее Федьки? – вопросом на вопрос ответил Путилин.

– Я не обратил внимания.

– На шее багровые следы и маленькие пятна крови там же, убийца не только душил, но и колот в шею, а когда узнали то, что им требовалось, Веселый стал им не нужен.

– А остальные убитые?

– Они могли кого-то опознать, вот поэтому преступники и не пожалели свидетелей.

– А девицы?

– Вот они пока в мою схему убийства не укладываются, но, думаю, мы совместными усилиями найдем ответ на столь животрепещущий вопрос. Так что в первую очередь необходимо искать частых и дорогих гостей сего заведения, не просто дорогих, а знакомых Федора. Вы обратили внимание, что вещи в сундуке не выброшены на пол. Значит, убийца знал, в каком углу, под какой одеждой лежало что-то ценное, может, купленное недавно, может, деньги... да, скорее всего, деньги.

– Почему вы так думаете?

– Так посудите сами, Федор, хотя личность была общительная, но, как и всякий человек, не любил, когда ему глазели в спину при открытии сейфа, а значит, деньги на насущные нужды держал тут же, чтобы далеко не лазить. Допустим, в сундуке.

– Может быть.

– Убийца знал сей факт хорошо, ибо сам сбывал краденое Веселому.

– Похоже на правду.

– Отсюда следует, что искать надо среди местной братии.

– Иван Дмитрич, не факт. Возможно, что убийцы, то есть главный или один из них, приезжий, но хороший знакомый Федора, – вставил и свое слово надворный советник.

– Я тоже размышлял над этим, но посудите, если убийцы пришлые, то не явились же они в погоне только за нашим подопечным. Неразумно, здесь если брать, то куш в нескольких местах, и сразу в бега, то ли на юг, то ли в Польское царство, а может, и за границу. Значит, куш должен быть значительным, чтобы троим хватило надолго, но наши подопечные любят сорить деньгами, когда они есть, вот поэтому Федькин капитал привлекателен, но не так велик. И притом мы бы уже прослышали о других преступлениях, а ничего крупного в последнее время вроде бы не случилось... Так, Михаил Силантыч? – обратил свой взор начальник сыска на помощника.

– Так точно, – ответил Жуков, даже вытянулся, как на параде. – Никаких крупных преступлений в столице и близлежащих уездах.

– Вот, – сжал губы Путилин.

– Может, – вставил пристав, – Федька – первый в списке?

– Возможно, – через минуту произнес Иван Дмитриевич, – но не кровавили бы столько убийцы, не привлекали бы внимания, если собирались совершить еще несколько налетов. Вот поэтому я и склоняюсь к мысли, что местные совершили такое злодеяние, местные.

– Но может быть, все же заезжие? – настаивал Авчинников.

– Надо искать среди местной публики, – опять повернулся Путилин к Жукову. – Вокзалы... – потом задумался. – Вокзалы, может быть, но семь девиц... Как ты мыслишь?

– Мне кажется, девиц надо искать где-то недалеко, – Миша нахмурил брови. – Не стали бы эти... – он подбирал для убийц слово, но не найдя, продолжил: – ... увозить с собой девиц. Это ж какая обуза, семь баб? – обратился он к приставу, тот кивнул, – семь, это ж целый гарем, а не дай бог кто из них что разболтает, если сбежит? Нет, надо искать где-то рядом, боюсь загадывать, но холодные трупы...

– Там... там... – прибежал бледный полицейский с глазами навывкате и трясущимися от страха или увиденного губами, постоянно махая в сторону дальнего угла двора руками. – Там это, там...

– Что там? – вскипел пристав. – Хватит тамкать. Толком говори и не трясись, в полиции служишь, а не в богадельне.

– Там, – снова начал полицейский, но осекся под сердитым взглядом пристава, – в выгребной яме тела убитых.

– Сколько?

– Не считали, но много.

– Что стал? Веди уж.

ВЫГРЕБНАЯ ЯМА НАХОДИЛАСЬ в дальнем углу двора, за дровяником. Зрелище открывалось не из приятных. Авчинников побледнел и отошел в сторону, подавляя приступы рвотных позывов.

На лице Путилина заиграли желваки, и рука сама потянулась к головному убору.

На поларшина ниже в яме лежали едва прикрытые тела девиц с растрепанными волосами – темными, светлыми, рыжими, с почти черными полосами вокруг шей, неприкрытые глаза некоторых смотрели в небо, казалось, что бледные ноги и руки, торчащие в разные стороны, принадлежат сломанным куклам, с которыми развлекался великовозрастный детина и выбросил, наигравшись.

– Одна загадка получила ответ, – едва слышно произнес Жуков.

– Лучше бы было томиться в неизвестности, – прошептал Путилин.

– Теперь что? – Миша мял в руках шапку.

– Теперь будем со всей тщательностью и скрупулезностью искать этих зверей, – Иван Дмитриевич не повышал голоса, словно лелеял надежду, что девицы встряхнутся и пробудятся от вечного сна.

– Вы все-таки думаете, что местные?

– Да, в этом преступлении замешан хотя бы один из местных, тот, кого в заведении хорошо знали, и он, как дикое животное, уничтожил свидетелей, чтобы они его не опознали. Сейчас ясно, как божий день, – почесал Путилин ладонью висок, – из местных.

– Федька же явных врагов не имел? – то ли спросил Жуков, то ли сказал утвердительно.

– Не имел, но, как сказал наш Василий Андреевич, сей факт решающего значения не имеет. Ты, наверное, забыл, что где пахнет хорошими деньгами, дружба отходит на второй план, тем более в преступных кругах.

– Так-то оно так.

– Так, не так, Миша... но ноги в руки – и на поиски.

– Я, Иван Дмитриевич, готов, но не могу понять с кого мне начинать? – растерянно выдавил из себя Жуков.

– С кого? Хороший вопрос... – Путилин отошел от ямы, надевая головной убор. – Должны же мы с тобой... – начальник сыска позволил себе улыбнуться, – сесть, как следует подумать, прикинуть, не все же нам время просто штаны просиживать на службе.

– Иван Дмитрич...

– Что Иван Дмитрич, я и так вижу, что притаился ты, как мышь в амбаре, имеешь что-то за душой, но не решаешься произнести вслух.

– Есть, конечно, соображения, но...

– Не тяни душу, злодей, выкладывай, что придумал.

– Громко сказано, придумал, есть некие соображения. Вот, к примеру, вы, Иван Дмитрич, говорили, что Федька, царствие ему небесное... – Жуков, вроде бы серьезно, но как-то карикатурно, словно плохой актер в драме, перекрестился, – ...поднимался ни свет ни заря.

– Было, – Путилин кивнул.

– Так вот, наши убийцы...

– Не совсем уж они наши, – пробурчал начальник сыска.

– Наши, Иван Дмитрич, наши, – Миша продолжил: – Так вот, наши убийцы, а я подозреваю, что они шустрые и заранее распределили роли, управились за час, ну полтора с сим печальным делом. Они приехали не на саниях, иначе поставили бы их во дворе, чтобы никто не смог их приметить, ведь в такое время многие едут в столицу, приметили бы.

– Возможно.

– Значит, им надо было отсюда уехать, саней взять не могли здесь на Ланской, возница бы потом вспомнил, что в утро, когда обнаружены убитые, вез три подозрительные личности с небольшим багажом, саквояжами, сумками, ведь они прихватили не только ассигнации, процентные бумаги, но и драгоценности. Серьги, цепочки, браслеты, ведь Веселый слыл скупщиком краденого.

– Был.

– Так вот, убийцы уехали на поезде. Почему я уверен? Так другого пути у них не оставалось.

– Хорошо, с твоими словами соглашусь, но в какую сторону? Если в столицу, то на следующей станции, а вот в сторону Гельсингфорса, так целых семь.

– Уверен, что их стоит искать в столице.

– Почему?

– Пока мы ходили по дому, я заглянул в книжку, до девяти утра было только три поезда: один, почтовый – в пять тридцать, второй, пассажирский – ровно в шесть утра. Эти два до Гельсингфорса, но я их отбрасываю, ибо не успели бы они совершить убийства, собрать баулы и дойти до станции, а вот следующий поезд заслуживает пристального внимания – в шесть часов сорок две минуты, идущий в столицу.

– Пожалуй, Миша, ты прав, – подумал секунду Путилин, – иди на станцию, ты знаешь, что там делать, не впервой.

– Так точно, – повеселел Жуков и даже вытянулся в струнку, потом словно бы обмяк и наклонился к Путилину, указывая глазами на пристава, спрашивая, что с ним.

– Как же без местных властей? – так же тихо отвечивал Иван Дмитриевич.

Поручик Авчинников стоял в нескольких шагах и делал вид, что беседа сыскных агентов его не касается, но слишком напоказ.

– Александр Иванович, – позвал пристава начальник сыска, – не откажите в любезности помочь в расспросах станционных служащих, ведь вы знаете стан намного лучше нас.

– С превеликим удовольствием, – просиял лицом поручик, выказывая заинтересованность в раскрытии столь жестокого преступления на участке, приданном приставу по службе, – я сам помогу вам.

– Со станции в шесть часов сорок две минуты отбыл в столицу поезд, мы предполагаем, что именно на нем уехали преступники, а значит, оставили нам хоть маленький, но след.

– Понимаю.

– До станции далеко? – вмешался в разговор путилинский помощник.

– Нет, несколько минут ходу.

– Ступайте, я в сыскное.

ДОМ ВЕСЕЛОГО СТОЯЛ на отшибе, хотя нельзя и сказать, что в безлюдной части села.

Дошли быстро, Миша не успел озябнуть и натянуть перчатки, шел всю дорогу сжимая их в руке и помахивая.

– Скажите, Михаил Силантьевич, – первым нарушил молчание пристав, – мы в силах найти преступников?

– Думаю, да, – Жуков не поворачивал головы к собеседнику, голову теснили совсем другие мысли, не было желания отвечать Авчинникову.

– Столько невинных душ загублено, – сокрушался полицейский начальник. – Не люди, а звери на двух ногах, право слово звери.

– Мы до них доберемся, – твердо произнес Миша. – Сколько веревочке ни виться, кончик покажется.

– На словах...

– Нет, господин пристав, у нас дела со словами не расходятся, – перебил поручика путинский помощник, – бывает, конечно, всякое, но в данном случае, мне кажется, ухвачен след, вот его мы с вами и должны выявить.

ОДНОЭТАЖНОЕ ЗДАНИЕ СТАНЦИИ февральским днем казалось темным и неприветливым, хотя и было выкрашено недавно, прошлым летом, зеленой краской. Ни единого человека не было видно вокруг. Поезд прошел час тому, следующий не скоро.

Пристав дернул за ручку дверь, оказалось заперто, поэтому он кулаком забарабанил в косяк.

– Открывай!

Внутри послышался кашель, вслед за ним какой-то звук, то ли бубнеж, то ли ругань, и только после этого раздался скрип железа, видимо, засова.

– Кого там черти несут, – раздался довольно молодой голос.

– Открывай! – рявкнул пристав, Миша даже вздрогнул, не ожидал такого от поручика.

– Ах, это вы, Александр Иванович, – голос за дверью помягчел.

– Я это, да отворяй, черт нерусский, – Авчинников не скрывал улыбки на лице. – Чай не лето.

– Сию минут, – голос чертыхнулся, и дверь распахнулась. – Чертов засов застрял. – На пороге стоял рыжий малый лет сорока с кудрей, слегка посеребренной бородкой.

– Здравствуй, Иван Егорович!

– Александр Иванович, – расшаркался мужчина.

– Так и будешь нас на пороге держать?

– Что вы, Александр Иванович, проходите, гостем дорогим будьте, милости прошу, – засуетился мужчина. – Проходите вот сюда, – вился ужом хозяин, – проходите, присаживайтесь. Как говорится, в ногах правды нет.

Авчинников хозяйской поступью прошел в маленькую комнату, бывшую при станции кассой, присел на стул и только тогда кивнул на Мишу:

– Рекомендую: Михаил Силантьевич Жуков, помощник начальника сыскной полиции господина Путилина.

– Очень приятно, – мужчина протянул руку Жукову и отрекомендовался: – Губернский секретарь Иван Егорович Минц, – и добавил: – Начальник станции.

Миша кивнул.

– Чем, господа, могу быть, полезен?

– Ты, стало быть, Иван Егорыч, ничего не слышал?

– Что я должен слышать?

– О Федоре Перышкине.

– О Федоре Семеныче? – уважительно сказал начальник станции, при его словах Жуков покосился на пристава.

«Из одного котла кормятся, – мелькнуло в голове, и Миша насторожился, – как бы сведения не утаили».

– Да, Иван Егорыч... – начал было пристав, но помощник Путилина поднялся со стула, на который только присел.

– Александр Иванович, – Миша посмотрел на полицейского начальника, не убирая с лица улыбки. – Позвольте мне?

– Ваше право, как сыскаго агента, разве я могу возражать? – поручик красноречиво посмотрел на железнодорожного чиновника, тот понял и в ответ незаметно кивнул, что не укрылось от внимательного взгляда Михаила.

– Федор Семенович – приметная личность, даже мы в столице о нем слыхивали: – Минц молчал. – Часто ли он ездил в столицу?

– Поездом редко, ведь у него свои лошади в конюшне.

– Значит, все-таки ездил?

– Бывало.

– А насколько близко вы были знакомы?

– О! – улыбнулся начальник станции. – Я – человек маленький и небогатый. С таким, как Федор Семеныч, хотел бы дружбу водить, но, увы, как говорится, гусь свинье не товарищ.

– Значит, вы его знали, как одного из богатых людей Ланской?

– Вот именно, ежели ехал на поезде, то непременно поздоровается, спросит о здоровье и всегда ездил первым классом.

– Когда, вы говорите, он в последний раз в столицу ездил?

– С неделю будет.

– Он один был?

– Нет, с барышней.

– Из его дам?

– Из заведения, – и начальник станции покрылся красными пятнами. «Вот что они скрывают, – на Мишиной душе воцарился покой. – Ай да пристав, ай да чиновничек. Значит, они знали с клиентами небезызвестного Федькиного заведения».

– Вы, Иван Егорыч, на службе с раннего утра? – Миша ушел в сторону от щекотливой темы, чтобы не смущать присутствующих.

– А как же? В моих обязанностях встречать поезда, продавать билеты и следить за порядком на станции.

– А что полицейский не придан блюсти здесь порядок? – Жуков обратился к Авчинникову.

– К сожалению, этот вопрос решить не в моих силах, штатом не предусмотрен.

– Хорошо, до семи часов утра было два поезда: один – в столицу, другой – в Гельсингфорс.

– Никак нет, три, господин Жуков.

– Да, три, из них только один – в столицу.

– В пять тридцать и шесть часов – в Гельсингфорс, а в шесть сорок две – в столицу.

– Вы помните, кто сел на поезда на север?

– Сегодня, к моему глубокому сожалению, никто не соизволил направиться, как вы правильно выразились, на север.

– А в столицу?

– Взято семь билетов, два – первого класса, и пять – второго.

– Все отъезжающие вам знакомы?

- Нет, не все.
- Кого вы не признали?
- Двоих, которые взяли билеты третьего класса.
- Вы ранее их видели?
- Нет, в первый раз, – чиновник начал пояснять: – Господин Жуков, у меня память хорошая на лица, будьте уверены, что если один раз увижу кого, то уже никогда не забуду.
- Это замечательно, значит, можете назвать имена всех, кого узнали?
- Могу, – просто сказал Иван Егорович, Миша даже замер на секунду.
- И кто там был?
- Тимохин, – чиновник смотрел не на Жукова, а на пристава, тот кивнул, – Иванов, который Петр Трофимович, – пристав опять кивнул. – Степаниха, – и поправился: – Евдокия Степановна, Приблудов-старший, эти двое, которые в первый раз, и еще один.
- Уехавший первым классом? – Мишино сердце застучало паровым молотом.
- Первым.
- Вы раньше его встречали?
- Да.
- Где? – От волнения Жуков произнес вопрос дважды, первый прозвучал так тихо, что Минц не услышал.
- Здесь на станции.
- Давно?
- Вот даты для меня темный лес, в отличие от лиц, – сказал начальник станции. – Думаю, в последний раз под Рождество.
- Полтора месяца тому.
- Получается, так.
- Вы видели этого человека один раз?
- Нет, что вы, – Минц возвел глаза к потолку и начал загибать пальцы. – Четыре, именно, четыре.
- И ты знаешь, к кому он наведывался?
- К Федору Семенычу, – уверенно сказал начальник станции.
- На чем зиждется такая уверенность?
- Так Афанасия Львовича сам Федор Семеныч провожали.
- Может, в тот день вы разговаривали с Федором Семенычем? – Миша даже руки потерял от удовольствия.
- Было дело, – зарделся от собственной значимости Минц.
- Так, может быть, господин Перышкин о спутнике что-нибудь говорил.
- Точно так, Федор Семеныч подняли кверху палец, вот так, – Иван Егорович показал, как воздел руку местный богатей, – и сказали: «Сей человек имеет столько сейфов, что нам и не снилось!» Тогда я подумал, что человек сей богат, как Крез.
- Значит, Афанасий Львович, говорите, его зовут?
- Истинно так.
- Более его не встречали?
- Один-два раза.
- Каждый раз его провожал Федор Семеныч?
- Никак нет, провожали только в тот раз, о котором я упоминал.
- Хорошо. Те двое неизвестных, они с Афанасием Львовичем были?
- Никак нет, и билеты отдельно брали, и держались особняком, – начальник станции возвел глаза к потолку, что-то вспоминая. – Нет, мне кажется, не знакомы они были.
- Да, – Миша наморщил лоб. – Эти двое с багажом уезжали?
- Н-е-е-т, – тянул Иван Егорович, – нет, багажа с ними не видел.

- А Афанасий Львович?
- Тот с саквояжем, как доктора носят.
- Значит, они уехали на поезде в шесть сорок две в направлении столицы.
- Так точно.
- Как выглядел этот Афанасий Львович? Ну, лицо круглое, вытянутое, с бородой, усами, как?
- Обычно, – пожал плечами начальник станции, при этом сведя брови к переносице. – Темное пальто.
- Черное?
- Когда он протягивал мне деньги, то в свете лампы оно показалось мне темно-синим, нежелезным. Кожаные перчатки с тремя пуговицами, вот здесь, – он показал на своей руке, – усов и бороды я не приметил, вот нос длинный, как у птицы, и прямой такой, заостренный, лицо вытянутое, и губы такие узкие, словно бы щель под носом, на подбородке ямочка.
- Шрамов, родинок на лице не было?
- Нет, не заметил, деньги достал из потертого бумажника, я уж подумал, что такой важный человек, а жалеет пары рублей на новый.
- Какого он росту был?
- Пожалуй, повыше меня, это я, господин Жуков, – увидев удивленный Мишин взгляд, пояснил Минц, – по окошку кассы сужу.
- Те двое?
- Вот они какие-то безликие Тот, что билет брал, у него на тыльной стороне ладони пятно, видимо, от ожога. Лица скучные, – и снова начал пояснять: – Такие не запоминающиеся, с небольшими бородками и, как мне показалось, бегающими пронырливыми глазками.
- Это все?
- Да.
- Тогда вопросов боле не имею, – произнес Жуков, – а вы, Александр Иванович?
- Нет, нет, – молодецки вскочил со стула поручик, – теперь куда?
- Пожалуй, в сыскное.

КОГДА ШЛИ ПО дебаркадеру, распираемый от вопросов поручик не выдержал:

- Как теперь искать Афанасия Львовича? Это сродни поиску иголки в стогу сена, да еще безлунной ночью.
- В чем-то вы правы, любезный Александр Иванович, не всегда убийца сидит на месте преступления, протягивая руки для ареста. Иногда приходится голову приложить, ноги, побегать, поискать. Не все сразу.
- Кроме имени, что еще полезного почерпнули вы из рассказа начальника станции?
- Конечно, – Миша расплылся в улыбке. – Портрет, подтверждение тому, что преступников трое, что они направились в столицу, что один из них знакомец нашего Федьки Веселого. Разве ж этого мало?
- Не знаю, – признался пристав.

КОГДА ЖУКОВ ЗАКОНЧИЛ докладывать, Путилин хотел подняться, но поморщился, почувствовав, как сильная боль пронзила правое колено.

- Итак, мы имеем Афанасия Львовича и двух сотоварищей.
- Как вы и предполагали.
- Иван Дмитриевич отмахнулся:
- Тоже мне задача... Значит, ты предполагаешь, что искомый гражданин имеет своей специальностью вскрытие сейфов и железных ящиков?
- Именно так я воспринимаю слова, высказанные Федькой начальнику станции Минцу.

– Вполне может быть правдой, но почему такой мастер пошел на такое кровавое преступление?

Вопрос повис в воздухе.

– Душа человеческая – такая же тайна, как и он сам, – начал рассуждать Жуков, но был тут же перебит начальником:

– О душе потом поговорим, а ныне о нашем убийце. Какие соображения?

– Иван Дмитрич, с такими приметам я не припомню ни одного мастера по сейфам.

– Ну, Миша, ты меня удивляешь, – с хитринкой в голосе сказал Путилин. – А если подумать?

– Неужели на нашем горизонте попадалась эта личность? – искренне удивился Жуков.

– Так и не вспомнил? Лошадиная физиономия с птичьим острым носом, всегда щеголевато одет, почти нет губ, Миша, я поражен твоей памятью.

– Неужели... – и умолк, прикусив язык.

– Сказал «аз», говори и «буки».

– Прохор Кузмин? – то ли спросил, то ли утвердительно сказал помощник.

– Не могу точно сказать, но больно уж похож, хотя... – поцокал языком Путилин. – Чем черт не шутит. Проверить надо Прохора, где был, что делал.

– Ясненько, Иван Дмитрич. Разрешите приступить?

– Ты еще здесь?

– Иван Дмитрич, – уже взявшись за ручку двери, сказал Миша. – Где ж мне искать Кузмина-то?

– Ты меня удивляешь, Михаил Силантьич! Конечно же на Сенной в известном тебе заведении.

НА СЕННУЮ ПОМОЩНИК начальника сыскного отделения Жуков прямо-таки летел, подгоняя извозчика, нетерпение съедало более, нежели желание успеха.

Хотя глаза блестели и хотелось побыстрее добраться до площади, но мысли возвращались к Прохору. Вроде бы портрет, описанный Минцем, похож, тот же длинный острый нос, лошадиная физиономия, вот губы... Но Кузмин носит усы, да и не замечен он в кровавых делах, сейф вскрыть, так не составит труда, одно удовольствие. А вот человека жизни лишить? Не похоже на его поведение, ой как не похоже. Столько трупов. Хотя в жизни всякое бывает, и человек становится зверем ни с того ни с сего. В голову бешенство ударило, как те преступления, когда «жена мужа убоится», ан нет, нож в грудь, и вся недолга.

Только у дверей заведения Миша сообразил, что соваться в осиное гнездо не слишком разумно с его стороны, тем более что за несколько лет помощника Путилина начали узнавать не только в лицо, но и по делам. Отступать не хотелось, честь дворянина была выше всякой опасности, и Жуков ступил в полутемную залу с горящими кое-где масляными лампами, освещающими более себя, нежели близрасположенное пространство. Несколько минут глаза привыкали к полумраку, потом Миша огляделся и обратил внимание на то, что на него никто даже не взглянул...

В обычае Прохора было сидеть в дальнем от входа углу, так спокойнее, и когда полиция вдруг нагрянет, можно было незаметно исчезнуть через черный ход, не привлекая ничьего внимания.

Сейчас Кузмин сидел в благодушном состоянии, в застиранной рубашке, расстегнутой у ворота, и с темными пятнами пота под мышками, которые сразу бросались в глаза, стоило Прохору начать размахивать руками. На лице мастера по сейфам пролегли глубокие морщины, а осоловелые глаза показывали, что он пьянствует не первый день. Рядом сидели, лежали такие же осоловелые собутельники-прилипалы, которые, как мухи на дерьмо, слетались в предчувствии дармовой выпивки и закуски.

«Не он», – мелькнуло у Миши в голове, но он не уходил, а наоборот, пробрался к Прохору и, подвинув сидевшего рядом мужичка, примостился по правую руку.

– Здравствуй, Прохор! – начал Миша.

– Ба! – обрадовался Кузмин. – Какие люди посетили нас.

– Потихе, – поморщился сыскной агент.

– Может, чарочку? – разбойник замахал рукой. – Эй! – крикнул громко, стараясь перекричать мерный гул заведения, делая попытку подозвать полового.

– Я бы выпил, – наклонился Жуков к уху Прохора, чтобы не кричать, – да сам понимаешь, служба.

– Эт мы понимаем, – заулыбался Кузмин, – а в наши края как занесло?

– По твою душу.

– Михал Силантьич, я перед столичным сыском чист, аки ангел на небеси. А что гуляю, так в России городов не счесть, – и засмеялся задорным грудным смехом, кося осоловелые глаза на сыскного агента.

– Давно сидишь? – не обращая внимания на смех Кузмина, спросил Миша.

– Не знаю, – пожал широкими плечами Прохор. – Деньги есть, – и похлопал себя по груди.

– Значит, давно сидишь.

– Сегодня число-то какое?

– Двенадцатое.

– Двенадцатое, двенадцатое, – начал загибать пальцы Кузмин, но так и не смог посчитать, махнул рукой. – Даже и не припомнить мне. Давай по чарке, – вдруг предложил он.

– Служба, – Миша присмотрелся к мастеру по сейфам, тот в самом деле был давно пьян, разило от него и перегаром, и потом, и табачным духом. Видимо, дня три, как деньги просаживает, надо ждать новостей о том, что в Киеве, Варшаве, а может, и в Сибири раскрыт, как шкалик в обед, очередной железный ящик, о котором кричат со страниц газет и журналов, что невскрываем.

– Ах, Миша Силантьич, нет чтобы составить мне компанию, – Кузмин поднял полустоф. – Выпить за мое здоровье, за свободу, эх, Михаил Силантьич.

Жуков поднялся и вновь повторил:

– Служба.

– Та ну ее, такую службу, – Прохор наливал в чарку водку, большую часть ее расплескивая на стол. – А чего заходил-то?

Но вопрос повис в воздухе.

МИША ВОЗВРАЩАЛСЯ В сыскное отделение в упавшем настроении, предположение не подтвердилось: Прохор Кузмин не мог так сыграть, не по артистической части он мастак, а в другой области. Да и видно, что не просыхает несколько дней, притом помощник Путилина у своих агентов, которых он имел среди завсегдатаев трактира, подтвердил, что мастер по сейфам третьего дня появился в медвежьей шубе, бобровой шапке, пиджачной паре, с бумажником, не закрывающимся от денег, вот с той минуты угощает, кто за стол присядет. Подозрение не подтвердилось, пусть лучше сейфы вскрывает да водку пьет, чем руки кровянить и чужие жизни на свой счет записывать.

Дежурный чиновник кивнул, что Иван Дмитриевич, как пришел в отделение, так из кабинета и носа не казал, хотя утверждать не может, ибо на второй этаж не поднимался.

КОГДА ВОШЕЛ ЖУКОВ к Путилину, тот сидел за столом, перед ним лежали разложенные в ряд шесть фотографических карточек. Одной рукой Иван Дмитриевич подпирает щеку, отсутствующим взглядом скользнул по помощнику и снова устремил взор на столешницу.

– Разрешите?

Начальник сыскной полиции не повел бровью.

Миша без позволения присел на краешек стула, зная по опыту, что мешать Путилину не стоит, тот занят важным и, наверное, уже догадался, что Прохор не имеет отношения к убийству Веселого.

Через несколько минут Иван Дмитриевич наконец обратил внимание на помощника.

– По лицу вижу, что Прохор отношения к нашему злодейству не имеет.

– Воистину так, Кузмин третий день пьянствует на Сенной после удачного дела.

– Говоришь, третий.

– Да, сведения абсолютно верны, подтверждены тремя разными людьми, которые интереса к нашему сейфовому мастеру не питают.

– Значит, в столице есть двойник Прохора, либо, что самое невероятное, кто-то хочет, чтобы мы шли по следу Кузмина и вели следствие вокруг него.

– Может быть. – Миша сел поудобнее, даже закинул ногу на ногу. – Но к чему такие сложности, ведь мы же можем предъявить Прохора для опознания начальнику станции?

– Вот, – указательный палец нацелился на Жукова. – Приметы нам известны от... как ты его называл, Минц? – Миша кивнул. – Приметы известны от Минца. Тебя это не наводит на определенные мысли?

– Минц? – удивлению помощника не было предела. – Минц? – повторил он. – Вы бы видели его, он не то, что ножа побоится в руки взять, я уж не говорю, чтобы смерти такое количество народа отдать. Нет, Иван Дмитрич, такого быть не может, притом он не мог отлучиться со станции.

– Не мог, это правда, но ты же сам знаешь, что не всегда человек самолично участвует в злодеянии.

– Так вы подозреваете Минца?

– Я высказываю один из возможных вариантов нашего дела.

– Но как... – Жуков старался подобрать слова, но никак не удавалось.

– Миша, имеешь возражение?

– Да, – сыскной агент как-то подобрался и вроде бы стал выше. – Имею. Начальник станции Минц, на мой взгляд, человек пугливый и смотрящий в рот начальству, ради места готов на унижения, но чтобы организовать, – Миша сжал губы и продолжил, – такое дело... Вы протестите, Иван Дмитрич, но у него, как говорят наши подопечные, кишка тонка.

– Не кажи «гоп», как говорят в Малороссии, в каждом где-то там, – Путилин приложил правую руку к груди, – на полочке пребывает в сонном состоянии бес, но не у всех он прорывается что-то сквозь глянцевую оболочку. Этот Минц назвал тех, кому утром продал билеты и кто направился с Ланской в столицу. Вот их и расспроси о нашей троице, тем более что они ехали разным классом. Смекаешь?

– Что не понять? – безо всякого удовольствия произнес Жуков.

– Миша, если тебе не по душе то, что я поручил, то лучше мне направить другого агента, ты будешь смотреть предвзятым взглядом, и очевидные для другого вещи пройдут мимо тебя.

– Иван Дмитрич, – помощник так резко поднялся, что стол скользнул ножками по паркету, – я уже не мальчик, чтобы капризничать по поводу следствия, тем более что речь идет о преступниках, которые людскую жизнь считают за копейку.

– Тогда, Миша, жду твоего доклада.

ТОЛЬКО ПОЗДНИМ ВЕЧЕРОМ вернулся Жуков в сыскное отделение. Исколесил пол-столицы, два раза ездил в Ланскую, отвлекал от дел пристава, который скрепя сердце выделил помощнику Путилина одного из околоточных, чтобы разыскать четверых невольных свидетелей, которые с утра ехали в город.

Чиновник Тимохин, ехавший третьим классом, аккуратно сидел напротив двух незнакомцев, один из которых картавил и «подозрительно кидал взоры по сторонам, словно хотел высмотреть добычу». Попутчик чиновника был лет тридцати пяти, круглолиц, с пышными усами и родинкой под правым ухом, это Тимохин приметил. Когда незнакомец смотрел в окно, второй, помоложе, годков под тридцать, лицо обычное, а вот глаза колючие, словно хотел проколоть сидящего напротив насквозь. Напоследок чиновник сказал:

– Да не смотрел я на них, больно уж неприятные личности.

Степаниха – Евдокия Степановна Самотекова, оказалась вопреки прозвищу молодой женщиной, в накинута на плечи старом потертом платке и такой же потертой куцей шубейке. «Денег у нее куры не клюют, – охарактеризовал Степаниху околоточный, – но ходит, как босая». Та вообще ничего не могла сказать о тех двоих, хотя ехала тем же третьим классом.

Петр Трофимович Иванов – степенный мужчина под пятьдесят, с бородой, лопатой лежащейся на грудь, ехал первым классом. Незнакомого пассажира, который сел с ним на Ланской, рассмотрел хорошо, даже запомнил, что тот постоянно поглаживал правой рукой саквояж и на лице появлялось подобие хищной улыбки, скалил рот, что бросалось в глаза отсутствие передних верхних зубов, и только в этот миг становился заметным едва видимый горизонтальный ровный след, словно кто-то провел острым лезвием под нижнюю губу, серые глаза, нос с горбинкой, тонкие брови, словно прочерченные над глазами одной линией. Портрет совсем не напоминал тот, который дал в описании Минц. Было над чем задуматься. Прав оказался Иван Дмитриевич, начальник станции участие в событиях в доме Федьки Веселого принимал, и самое непосредственное, хотя в минуту убийства находился на станции и отправлял поезда.

Приблудова, четвертого пассажира, Миша не нашел, тот уехал по делам в Москву. Конечно, важно было побеседовать и с ним, но случая не представилось.

СМУЩЕННЫЙ ЖУКОВ СИДЕЛ перед Путилиным.

– Значит, все-таки Минц, – удовлетворенно потер руки Путилин, не упоминая, что Миша чуть ли не клялся в неспособности начальника станции не только принимать участие в убийстве, но и это убийство организовать.

– Как вы поняли, что Иван Егорыч замешан в этом деле?

– В Ланской живет не так много народу, поэтому каждый знает, кто чем дышит. Вот Минц должен был знать Федьку, не такой уж Перышкин богатеи, чтобы с таким почтением к нему относиться. И потом Минц тебе признался, что раз-два разговаривал с Веселым. Да не могло такого быть, начальник станции, как и пристав, заходили в заведение, а значит, знали хорошо хозяина заведения. Мог скрывать знакомство пристав, но начальнику станции ничем такое знакомство не грозило, а значит, причина была в ином.

– Ему надо было увести нас в сторону, подальше от истинных преступников, – дополнил Миша.

– Совершенно верно, – вдруг Иван Дмитриевич ударил себя по лбу. – Старый осел, ой и осел. Бросай все, и на Сенную, вези сюда Прохора, пока не поздно.

– Он?

– Миша, потом расскажу, а сейчас за Кузминым. Да поживее, – вдогонку слышал помощник, – как бы не было бы уже поздно.

ПРОХОР ЗАМЕР, ПРИВАЛИВШИСЬ к стене, глаза закрыты, казалось, перепил человек, а теперь отдыхает.

Миша подошел к Кузмину и тронул легонько за плечо. Мастер по сейфам повалился набок, левая рука безвольно свесилась, и стало заметно темное пятно с выступающим сломанным лезвием. Прохор был мертв, и довольно давно, вероятно, с ухода Жукова из заведения.

Жуков половину ночи потратил сперва на ожидание врача, местного пристава, околоточного, потом на составление бумаг. Умаялся так, что, придя домой, уснул не раздеваясь, хотя ко всему прочему чувствовал прямо волчий голод.

Все крутилась мысль, что лучше бы днем отвез Кузмина в сыскное, смотришь, и был бы тот жив. Проспался в камере, поведал бы, кто на него имеет такой зуб, что вместо себя Прохора подсунил. А теперь в морге на льду лежит остывшее тело со сломанным лезвием ножа. Рукоятку нашли под столом, и никаких примет. Деревянная ручка, потертая и старая.

УТРОМ ЖУКОВ РЕШИЛ проявить самостоятельность и поехал на Ланскую.

– Иван Егорович, – вкрадчиво и с какой-то таинственностью в голосе говорил Миша начальнику станции, – преступник опознан и даже найден, благодаря вашему точному описанию. – Минц испуганно скользнул взглядом по лицу помощника Путилина. – Вам не стоит бояться, – продолжал Жуков, но сам отметил этот взгляд. – Однако нам предстоит проехать в анатомический театр. Да-да, вы не ослышались, в анатомический... Преступники, видимо, не сумели поделить добычу и избавились от лишнего, как говорится, рта.

– Я завидую вашей, Михаил Силантыч, службе, не успел я вам донести портрет, как преступник в ваших руках.

– Не всегда нам сопутствует удача, но... – Жуков умолк, выдерживая театральную паузу, – ...стремимся, чтобы злодеи несли заслуженное наказание.

КУЗМИН ЛЕЖАЛ НА блестящем металлическом столе, покрытый серой старой простыней с пятнами.

– Вот так, господа, и заканчиваем свои дни, – доктор откинул край простыни, представляя на обозрение невозмутимое спокойное лицо Кузмина; складывалось впечатление, что он ненадолго заснул, даже черты не обострились, как бывает обычно с мертвыми людьми.

Минц нахмурил брови и внимательным взором смотрел на убитого.

– Это Афанасий Львович, – произнес начальник станции.

– То есть лежащего вы опознали как человека, который вчера утренним поездом уехал первым классом в столицу.

– Да, подтверждаю.

– Это тот человек, которого некоторое время тому господин Перышкин провожал на станции?

– Именно его.

– Доктор, вы являетесь свидетелем опознания. Тогда более нам здесь делать нечего, – Миша поклонился и, взяв за руку Ивана Егоровича, пошел прочь, к выходу.

– ГОСПОДИН МИНЦ, ФОРМАЛЬНОСТИ завершены, но с вами хотел поговорить господин Путилин.

– Это честь для меня, – осклабился Иван Егорович, – тем более придется ли когда-нибудь побывать в сыскной полиции.

Пока ехали на Большую Морскую, Миша развлекал начальника станции забавными историями из расследований, Минц снисходительно улыбался, выслушивая болтовню молодого агента.

Начальник сыскной полиции не имел возможности присутствовать в рабочем кабинете, его вызвал посыльным к графу Головкину градоначальник. Дело было пустяковым, но высокое начальство считало, чтобы им занимался не пристав или околоточный, а непременно Путилин. Именно по этой причине Иван Дмитриевич прибыл в сыскное в отвратительном настроении, но когда дежурный чиновник доложил, что господин Жуков его ожидает в компании с неким

Минцем, и рассказал то, что Миша попросил передать, начальник сыскного отделения заметно повеселел.

Миша расположился в любимом кресле начальника и сразу же вскочил с него, когда Иван Дмитриевич вошел в рабочий кабинет. Путилин остановился на пороге.

– Иван Егорович, прошу любить и жаловать... – нравилась Жукову театральность, иной раз Иван Дмитриевич говаривал, что его помощнику не в сыском отделении служить, а на сцене славы выискивать, – ...начальник сыскной полиции господин Путилин.

Иван Дмитриевич кивком и дружелюбной улыбкой поприветствовал начальника станции, прошел к креслу.

– Стало быть, вы Иван Егорович Минц?

– Да, это я.

– Миша, принеси чаю. Надеюсь, вы не откажетесь от чашки горячего напитка?

– Служба... – было начал Минц, но был перебит Путилиным:

– Иван Егорович, скажу, что служба подождет, поезда все равно ходят согласно расписанию, стрелки переводятся, билеты продаются, так что можно потратить некоторое время на, будем считать, приятную беседу, тем более что описанный вами преступник так быстро найден в таком огромном городе, как Санкт-Петербург.

Минц улыбался, ему доставляли удовольствие слова начальника сыскной полиции.

– Иван Дмитрич, – подал голос Жуков, – господин Минц в анатомическом опознал одного из преступников.

– Похвально, вы очень нам помогли.

– Приятно, что я внес толику в поимку злодея.

– Значит, Афанасий Львович, о котором вы рассказывали моему помощнику, – Путилин кивнул на Жукова, – и есть убитый сегодня ночью известный нам преступник Прохор Кузмин?

– Наверное, – произнес Иван Егорович шутливым тоном, – я не был близко с ним знаком.

– Миша, где чай?.. Человеческая судьба переменчива, я все более убеждаюсь, сколько не вьется веревочка злодеяний, все равно в одно прекрасное мгновение обрывается по вине то ли самого преступника, а иной раз этому преступнику помогают так называемые приятели. Вот убийца Федьки Веселого, так прозывали господина Перышкина в преступных кругах, поплатился жизнью, видимо, ворами сподручнее делить добычу на меньше частей.

– Вам виднее, Иван Дмитриевич, ведь вы ловите их.

– Да, приходится иметь дело со многими людьми.

Вошел Миша с подносом, на котором стояли три чашки, чайник, колотый сахар и сушки в вазе.

– Вам покрепче? – спросил Жуков у Минца.

– Если можно.

– Я одного не понимаю, – Иван Дмитриевич отпил глоток ароматного чаю, – почему Кузмина потянуло на кровь?

– Скорее всего, на этот вопрос ответа не будет, – Иван Егорович в одной руке держал чашку, в другой блюдец.

– Отчего?

– Как отчего? – искренне удивился начальник станции. – Преступник мертв, и мысли его теперь недоступны.

– Теперь мой черед задать тот же вопрос: отчего? – возразил Путилин. – Иной раз мы можем найти ответ у самого убитого.

– Странно слышать такое из уст начальника сыскной полиции.

– Ничего странного не вижу. Хотите, мы узнаем у убитого ответы на некоторые вопросы?

– Каким образом? Не гаданием же?

– Отнюдь, вот давайте начнем с малого.

– Хотелось бы послушать.

– Скажите, Иван Егорович, вы в присутствии доктора и господина Жукова опознали в убитом Прохоре Кузмине человека, которого господин Перышкин называл Афанасием Львовичем.

– Совершенно верно.

– Вы не откажетесь от своих слов?

– Конечно, нет.

– Но вот странность, Петр Трофимович Иванов, проживающий в Ланской, в предъявленном ему трупе не признал пассажира, который ехал с ним первым классом и, более того, напротив него.

– Почему? Может быть, Петр Трофимович плохо рассмотрел пассажира, сидевшего напротив?

– Не возражаю, тем более он созерцал целых двадцать минут, а вы сколько?

– Иван Дмитриевич, я не могу отвечать за господина Иванова, бог тому свидетель, но я видел Афан... этого, ну, Кузмина не один раз.

– Понимаю, но вот вторая странность: Прохор, то бишь Кузмин, не просыхал три дня и три дня не казал носа из заведения на Сенной, где спускал деньги после удачно прокрученного дела.

– Господин Путилин, – голос Минца дрогнул, – вы хотите сказать, что я мог ошибиться?

– Нет, Иван Егорович, я хочу сказать, что ошиблись вы намеренно.

Начальник станции вскочил, руки дрожали так, что он пролил чай не только на сюртук, но и на брюки.

– Это переходит всякие границы, – чашка с грохотом опустилась на стол. – Я вам помогаю, и я же становлюсь в чем-то виновным...

– Нет-нет, Иван Егорович, успокойтесь, просто я хочу для себя прояснить, почему два описания двух разных свидетелей так разнятся? Не скажете, почему?

– Этого я знать не могу.

– И самое странное, мы приходим арестовывать преступника, а нам достается холодный труп. Неужели злодеям мало доли в деле и они решили ее увеличить, ведь половина лучше трети?

– Конечно.

– Но есть еще одна странность, Петр Трофимович описал внешность человека, ну прямо копию, некоего Сеньки Хохла: прямой шрам под нижней губой, отсутствие передних зубов, серые глаза, нос с горбинкой, тонкие брови, словно прочерченные над глазами одной линией. Абсолютно точный портрет, – Иван Дмитриевич бил наугад, хотя описание и подходило под Семена Днепровского, прозванного Сенькой Хохлом, – и нам не составило труда привезти его сюда. Очень охоч Сенька до женской ласки, и после удачного дела где его можно найти, Миша?

– В публичном доме на Моховой.

– Губит Сеньку привычка, – Иван Дмитриевич показал глазами, мол, быстро на Моховую.

– Я не пойму... – начал Минц.

– Давайте договоримся, Иван Егорович, что о вашем участии в деле я знаю...

Начальник станции вскочил, размахивая руками.

– Я не позволю возводить на меня напраслину!

– Иван Егорович, вы сядьте, в ногах правды нет, и вы думаете, Сенька вас пожалует? Он именно вас выставляет главным злодеем и именно на вас возлагает ответственность за пролитую кровь.

– Но ведь меня... – Минц прикусил язык, безвольно присел на краешек стула, плечи опали, и перед Путилиным теперь сидел маленький несчастный человек.

– Я знаю, что вас там не было. Но чтобы выгородить себя, Сенька во всем обвинит вас.

– Но ведь я был на станции, когда совершалось смертоубийство.

Иван Дмитриевич откинулся на спинку кресла.

– Зачем надо было проливать столько крови?

– Я не знал... Я все рассчитал до минуты, они должны были войти в дом и сразу до Федьки, связать, забрать деньги, золото, и пока Веселый освободился бы, эта троица уехала бы в столицу, а там их не найти. Притом Федька никогда бы не пошел в полицию, вы же знаете, что он скупал краденое. Но все пошло не так, как запланировано, это Сенька мне назвал приметы человека, на которого я должен был указать.

– Как же Петр Трофимович?

– Сенька упустил, а я не догадался.

– Почему Сенька хотел сделать Прохора козлом отпущения?

– Не знаю, спросите у него.

– Ради чего все затеяно?

– Деньги.

– Десять убитых.

– Это все Сенька.

– Но вы же его надоумили совершить налет?

– Но убивал-то он?

– Теперь Сеньке до конца дней не выйти с каторги, там и подохнет, как собака.

– А я?

– Это решит судья, согласно закону...

Глава первая

Иван Дмитриевич Путилин

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ПУТИЛИН, сын небогатого коллежского регистратора, волею судеб, а больше благодаря природной сметливости и железной хватке, недавно назначен был статским советником. Ныне он восседал за большим столом мореного дуба в кожаном кресле, отороченном полосками бархата, и писал срочную депешу всем полицейским частям и участкам Санкт-Петербурга о задержании некоего господина. На миг он задумался, скользнул взглядом по стене соседнего дома, которая смутно проступала за окном сквозь неплотно прикрытые шторы, и вписал в казенную бумагу фамилию злоумышленника. «Ежели будет тот обнаружен, то непременно схватить», – закончил он письмо.

По другую сторону стола на стуле с обивкой коричневого шелка и высокой резной спинкой застыл помощник начальника сыскной полиции Михаил Силантиевич Жуков, или просто Миша, молодой человек двадцати трех лет. Невзирая на молодость, были у него врожденное чутье, медвежья хватка и сообразительность, что должны быть присущи чиновникам, поставленным на страже закона, чтобы за каждое свершенное злодеяние преступник, кем бы он ни был, понес заслуженную кару.

Иван Дмитриевич протянул депешу. Миша уже был на ногах.

– Какие будут поручения?

– Сначала отправь, – указал рукой на дверь Путилин, иди, мол, и придвинул к себе новый лист с гербом в верхней части.

Когда Миша закрыл за собою дверь, Путилин сделал попытку скрыть раздражение и поднялся с кресла, с шумом оттолкнув его, так что оно чуть не упало на пол. Начальник сыска подошел к окну, сквозь щель между шторами залюбовался жизнью столицы. Вот там идет лоточник, выкрикивая хвалу своему незаменимому товару. Иван Дмитриевич был в этом уверен, хотя не слышал голос лоточника, да голова полицмейстера была занята иным... Вот, цокая железными подковами, проскакала лошадь, понукаемая извозчиком, спешащим доставить нетерпеливого седока... Вот идут по спешным или неспешным делам люди... Однако Ивану Дмитриевичу не было никакого дела до суетливого бытия городской жизни, он думал совсем о другом. Дело, что давно тревожило его, занимало все его время, вопреки сложившемуся правилу не оставлять без присмотра ни единого злодейского происшествия в столице...

В дверь раздался дробный стук. Путилин не отвечал, но спустя полминуты раздался повторный, но уже более настойчивый стук.

– Войдите, – повышая голос, чтобы услышали за дверью, наконец произнес он.

В кабинет, щелкая каблуками по дубовому паркету, вошел дежурный чиновник с военной выправкой – штабс-капитан Орлов, бывший командир роты в пехотном полку.

– Господин Путилин, – начал штабс-капитан с официального приветствия, – в дежурной комнате молодой человек хочет заявить о свершенном преступлении, но готов говорить только с вами.

– Что за человек?

– Мне кажется, он не в себе. На улице двадцатиградусный мороз, а он в легком пальто.

– Половина столицы одета не по погоде.

Дежурный чиновник на миг смутился.

– Что с ним еще не так?

– Болезненная бледность и безумный взгляд...

– Ладно, зови, – махнул рукой Путилин и вернулся к своему горемычному креслу, едва не пострадавшему от начальственного невозддержанного поведения.

Через несколько минут – за это время хозяин кабинета собрал бумаги на столе в одну стопку – раздалось несколько ударов, и распахнулась дверь. Дежурный чиновник вошел первым, обернулся к молодому человеку и произнес:

– Проходите, господин Путилин вас ждет.

Порог переступил высокий, болезненного вида человек, двадцати двух-трех лет. Сразу бросилось в глаза его узкое удлиненное лицо со впалыми щеками, бледными до прозрачности, с черными пробивающимися волосками на подбородке. Карие глаза с какой-то поволокой смотрели из-под длинных ресниц.

– Добрый день! – поздоровался начальник сыска после повисшего в кабинете неловкого минутного молчания.

Дежурный чиновник вышел и тихо прикрыл за собой дверь.

– Что вас привело ко мне? – вновь нарушил молчание Путилин.

Молодой человек в самом деле был не в себе. Наконец, он опустил правую руку в отвисший карман серого суконного пальто и сделал несколько шагов, остановившись только тогда, когда его путь преградил стол.

– Арестуйте меня, – совсем тихо выдавил он.

– Простите? – Иван Дмитриевич не совсем уловил его слова и хотел убедиться в истинности произнесенной речи.

– Я – убийца.

– Садитесь, – указал рукою на стул хозяин кабинета и продолжил: – Как мне к вам обращаться?

– Важно не имя, а то, что я совершил злодеяние, и вина жжет меня изнутри, – он указал рукою на грудь. – Больно вот тут.

– И когда вы его совершили?

– Два дня тому, – незнакомец хотел достать что-то из кармана, но его попытки были тщетны. Наконец, сжав обескровленные губы, он нахмурил и без того пересеченный глубокой морщиной лоб, взял себя в руки и, выудив из кармана, положил на стол трехвершковое толстое металлическое кольцо. – Вот этим я ударил Катю.

– Где произошло печальное событие?

– У Николаевского моста.

– Что же там с вами стряслось?

– Разрешите присесть?

– Будьте любезны.

Молодой человек опустился на стул, словно внезапно обессилев.

– Так о чем это я? – он поднес руку ко лбу. – Ах да, меня зовут Василий Осипов, с детства Васенькой кличут... Извините, но скажите, о чем это я?... Да, да... Николаевский мост, два дня тому. Вы простите, но я плохо себя чувствую, знобит что-то.

– Может быть, Василий, вам надо отдохнуть?

– Нет-нет, я должен вам все рассказать. Два дня тому моя любезная Катя сказала, что не будет больше жить со мною. Это как удар молнии среди ясного неба. Я был расстроен, схватил первое попавшееся под руку и ударил ее в висок. Она так, бедняжка, и обмякла. И чтобы она никому не досталась, я ее в прорубь...

– Василий, вы говорите, два дня прошло.

– Два, точно два... Я эти дни по городу ходил, с собаками спал, чтобы теплее было. И кольцо в кармане таскал, боялся к нему прикоснуться, даже когда руки мерзли, в карман не опускал...

– Как фамилия Кати?

– Не помню, – он поднял руку с отогнутыми двумя пальцами, – два дня силился вспомнить, но никак. Слово кто стер.

– Понятно, – Иван Дмитриевич дернул шнурок, закрепленный у правой ножки стола, чтобы вызвать дежурного чиновника. Тот не заставил себя ждать.

– Отведи Василия Осипова в камеру, – распорядился Путилин, – и позови мне кого-нибудь из агентов.

– Так точно.

– И повнимательнее, – указал Путилин глазами на молодого человека. – Пусть отдохнет и согреется от зимней стужи.

Чиновник взял под руку Осипова.

– Пройдемте-с.

– Да, я готов.

Оставшись в одиночестве Путилин задумался: правду ли говорил назвавшийся Василием Осиповым молодой человек или наговаривает на себя в болезненном приступе? Только этого не хватало! Заявлений о пропаже девиц не поступало, хотя, если молодые жили вместе, то кто ж заявление подаст, кроме самого убийцы? «А почему, собственно, я называю его душегубом? Оснований нет, поэтому надо сперва проверить, а уж потом и решение принимать».

Раздались громкие удары – в очередной раз дверь кабинета испытывали на стойкость.

– Войдите, – произнес Путилин с глубоким вздохом.

– Иван Дмитрич, разрешите? – в кабинет проскользнул агент Иван Соколов, тридцати одного года, высокого роста, а если быть точным, то двух аршин и шести вершков, чуть выше самого Путилина. Глаза до того синие, что, глядя в них, казалось, смотришь в безоблачное небо, но хватка, как у волка, если накопает что-либо по делу, никогда не отступится, пока не выяснит для себя все обстоятельства случившегося. Сколько помнил Путилин, Соколов всегда носил короткие волосы, скрывая тем самым раннее облысение.

Начальник указал рукой на стул.

– Видел молодого человека, что провел час в дежурной комнате?

– Так точно.

– Он утверждает, что совершил убийство. – Иван Дмитриевич поднялся с кресла, Соколов вскочил, но начальник жестом указал, чтобы тот продолжал сидеть. – Подозреваю, даже уверен, что он болен, и поэтому верить его словам нет резона. Его зовут Василий Осипов. Он не помнит, где проживал, поэтому поезжай в адресную комиссию и уточни адрес. Потом узнай, с кем он жил, с кем встречался, в общем, обо всем, и в том числе, была ли у него знакомая по имени Катя. Жива ли она? Если будет возможность, то постарайся с ней встретиться. Понятно?

– Так точно, – Соколов вскочил, – разрешите?

– Да, ступай, надеюсь результат получить к вечеру...

Дверь мягко закрылась, и Путилин остался сидеть в своем излюбленном кресле, размышляя о поворотах жизни, которые порой преподносят неприятные минуты. Молодой человек, наверное, студент одного из университетов, то ли тронулся головой от усердного учения, то ли в самом деле стал душегубом. А ему, статскому советнику, теперь разбираться с этим делом...

Путилин взял железное кольцо, взвесил в руке. Да, таким можно отправить к праотцам, если попасть в висок, как он говорит. Осмотрев кольцо со всех сторон, статский советник заметил какие-то рыжие следы, но у него не было полной уверенности, что это кровь...

Вновь он возвратился ко вчерашним донесениям о происшествиях в городе.

Столица с каждым днем разрасталась, в город прибывали все новые люди. Когда-то окраина была за Фонтанкой, а теперь возвышаются дома и за Обводным каналом...

Ранее Путилин думал, что Манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости был благом для нашего государства, а теперь, возглавив сыскную полицию, он поменял свое мнение. Столько таких хлебопашцев обрели свободу, но потеряли землю, и поэтому разбрелись в поисках лучшей доли по городам! В столице с прибывающими росло число преступ-

лений. Нет, Иван Дмитриевич привык выполнять свою работу и не жаловался на трудности, ведь под его началом были люди, способные сократить число разбойников и убийц.

Потом он начал читать о вчерашних происшествиях, вечером около одиннадцати часов в гостинице «Европа», что у Чернышева моста, студент Института путей сообщения потребовал комнату, которая ему была предоставлена. В половину четвертого ночи раздалось два выстрела, и из номера выбежала окровавленная женщина. Прибежавшая прислуга нашла студента в луже крови и без признаков жизни. Тут же валялся револьвер с четырьмя заряженными патронами и двумя пустыми гильзами. На вопросы вызванного врача женщина ответила, что ее зовут Елена Мелех и это стреляла она, ибо Павел Канов, так звали студента, оказался низким, скверным человеком. Госпожа Мелех сочла себя оскорбленной и в порыве гнева совершила преступление, решила покончить с собой, но крайне неудачно...

Ох уж эти неразделенные страсти! Этот случай напомнил другой, произошедший восемнадцатого сентября сего года в гостинице «Belle Vue», что на Невском проспекте. Молодой человек Тимофей Комаров, кандидат права Санкт-Петербургского университета, выстрелом из револьвера убил Анну Суворину, в которую был безответно влюблен, и вслед за тем застрелился сам. Трагическое происшествие произошло при следующих обстоятельствах: Суворина, замужняя женщина тридцати трех лет и мать пятерых детей, ужинала с влюбленным в нее молодым человеком в комнате гостиницы, с ведома мужа, который собирался приехать за ней, но, к сожалению, прибыл через несколько минут после того, как в номере раздалась выстрелы... Начитаются молодые люди и впечатлительные барышни новомодных романов о небесной любви и пытаются найти ее на грешной земле...

Чередой таких кровавых драм прокатилась большим зазубренным колесом по столице, и наряду с ними самоубийства стали неистребимым злом в Богом хранимой России. Неожиданно статский советник подумал, как жаль, что в России не собирают статистические сведения о причинах этого явления, а просто извещаются в донесениях, а потом и газетах: отравилась, застрелился, повесился такая-то или такой-то. Что же это творится? Зачастую в последних записках не удосужатся указать, что явилось побуждением к греховному деянию.

Вот. Семнадцатого декабря в десять часов тридцать минут в доме по Стремянной улице застрелилась из револьвера слушательница недавно закрытых Владимирских курсов, дочь коллежского советника, Мария Петровна Левитова. Смерть наступила мгновенно: пуля попала в сердце. На столе найдены следы сгоревшей записки. Можно только гадать о причинах, побудивших ее расстаться с жизнью. Надо бы направить туда агента для проверки.

Вчера же в трактире Павлова, в доме Тюменева, Рождественской части, один из посетителей, крестьянин Андрей Герасимов Королев, двадцати одного года, выпив полбутылки водки, сильно захмелел и потребовал себе коньяку, в котором ему отказали. Королев вошел в азарт, стал выдавать себя за акцизного чиновника и произвел беспорядок. Мнимый чиновник задержан и отправлен в участок. Здесь все ясно.

Путилин перешел к следующим происшествиям в столице. В меблированных комнатах «Дания» в доме Постниковой по Дровяному переулку одна из жилищ, имея крестьянское звание, предъявила паспорт, в котором слово «крестьянка» было вычищено, а вместо него было написано «мещанка». Владелица комнат вызвала городского, крестьянка задержана, из ее объяснений неясно, кем совершен подлог. По делу начато следствие.

Слава богу, что вчерашний день был не богат на происшествия, которые требуют пристального внимания. Сотрудники сыскного отделения, честно говоря, за последнее время устали. Пусть хотя бы сегодня отогреются в участках.

Путилин вызвал дежурного чиновника.

— Иван Дмитриевич?

— Да, — начальник протянул написанную бумагу, — разошлите по частям.

Дежурный чиновник повернулся, собираясь уйти.

– И еще, – произнес Иван Дмитриевич, дежурный по-военному обернулся, – как только появится Соколов, немедленно пришлите его ко мне.

– Так точно.

«Пожалуй, можно теперь просмотреть “Санкт-Петербургские ведомости” незабвенного Валентина Федоровича Корша», – решил статский советник. Фельетон, подписанный «Незнакомец», едко высмеял крупного железнодорожного чиновника Голубева. Он рассказал о том, как севший в поезд Голубев в силу своей значимости потребовал освободить для себя целое купе. Ему, видите ли, захотелось поработать в дороге. Посторонние мешали бы мыслям о важных государственных делах. Один же из пассажиров (вот какой непонятливый!) воспротивился требованию, за что железнодорожные сотрудники осыпали его самыми нелюбезными выражениями. Потом, однако, выяснилось, что пассажир этот – министр Кабинета Его Величества. Особенную иронию вложил Незнакомец в описание того, как пресмыкался Голубев перед министром, пытаясь загладить свою вину. Голубев же через другие газеты объявил напечатанный в «Ведомостях» фельетон абсолютной чужью и злобной клеветой. Раздобыл где-то справку о том, что ничего похожего с ним на железной дороге не происходило. И подал в суд. Громкий скандал недавно завершился процессом, который пришелся на нынешний год. Обвинители настаивали на порицании клеветы, газетчики же в ответ говорили о праве журналистов выносить всю имеющуюся информацию на суд общественности. Дискуссия в газетах получила большое развитие. Итог был для господина Голубева неутешителен: суд «Ведомости» оправдал. Власти остались этим фактом весьма недовольны, и тучи начали собираться над Валентином Федоровичем, ходили слухи, что Академия Наук не станет продлевать с ним договор, сменит редактора.

При чтении новостей у Путилина возникло ощущение, что мир меняется со дня творения в худшую сторону, становится каким-то злым и все более жестоким. Взять хотя бы новости из Парижа: на известного профессора *College de France* Дювалля, отца президента палаты депутатов, было произведено покушение. Проходя по коридору *College de France*, профессор встретился с двумя девушками *étanciré* из России, слушательницами Сорбонны. Одна из них, Вера Ж., быстро вынула из кармана револьвер и навела его на Дювалля. Другая девушка, З., бросилась на подругу, чтобы отстранить револьвер и спасти профессора. Грянул выстрел. З. была ранена в плечо. Обе девушки были подругами и жили вместе в небольшой комнате. Покушавшаяся на убийство взята под стражу. Полагают, что она страдает умопомешательством.

«Куда катится мир!»

Стук в дверь раздался настойчиво и громко, Путилин вздрогнул от неожиданности.

– Войдите!

– Разрешите? – по непроницаемому лицу Соколова невозможно было что-либо прочесть: со щитом он или на щите?

Начальник сыска указал рукой на стул.

– Иван Дмитриевич, – произнес он спокойным голосом, – я не один.

Брови Ивана Дмитриевича вопросительно поднялись.

– Я побывал на квартире господина Осипова, поговорил с околоточным, дворником, соседями.

– Каков результат?

– Разрешите пригласить человека, который все прояснит?

– Хорошо.

Агент вышел из кабинета, и через несколько мгновений вошла девушка невысокого роста в теплом пальто с воротником из заячьего меха. Из-под платья выглядывали круглые носки совсем уж не зимних туфель. Ее карие глаза уставились на статского советника так, что у Путилина мелькнула мысль: кто из них следователь, а кто пришедший прояснить ситуацию? Милое личико девушки с остреньким носиком вызывало неосознанное доверие.

– Иван Дмитриевич, разрешите представить: Екатерина Извицкая, добрая знакомая госпоина Осипова, находящегося у нас.

Внутреннее убеждение Путилина не подкачало, значит, Василий был болен и не отличал окружающей его реальности от картин, возникающих в его воспаленной голове.

Иван Дмитриевич поднялся с нагретого собственным телом кресла.

– Екатерина...

– Семеновна, – произнесла она тихим, но довольно решительным голосом.

– Екатерина Семеновна, прошу вас, присаживайтесь.

– Благодарю, – она без ложной скромности осторожно опустилась на предложенный стул.

– Извините, – вновь прозвучал ее голос, – но я решительно не понимаю цели моего визита к вам.

– Сударыня, – Иван Дмитриевич воротился на свое место, – у вас в знакомых есть некий Осипов?

– Василий?

– Совершенно верно, Василий... – Путилин вопросительно посмотрел на Соколова.

– Ионович, – подсказал тот.

– Василий Ионович Осипов.

– Да, это мой жених.

– В последнее время ничего странного в его поведении вы не замечали?

– Я не понимаю вашего интереса к персоне моего жениха.

– Скажите, когда вы видели Василия в последний раз? – пропустил Путилин мимо ее тираду.

– Два или три дня тому.

– Где?

– Он приходил ко мне.

– В день последней встречи вы поссорились?

– Да, – удивленно посмотрела девушка на статского советника.

– После ссоры вы больше его не видели?

– Да.

– Он способен на причуды?

– О нет! Он вполне серьезный человек, в последнее время его всецело занимала учеба в Технологическом институте.

– У Василия были еще знакомые по имени Екатерина?

– О знакомых не могу сказать, но его матушку тоже называли Екатериной.

– Где она сейчас?

– Год тому умерла.

– Сегодня утром Василий Осипов явился в отделение и дежурному чиновнику заявил, что два дня тому у Николаевского моста он ударил железным кольцом в висок знакомую барышню и, чтобы скрыть преступление, утопил тело в проруби.

– Не может такого быть! – вскочила она, прикрыв ладонью рот. – Кого же он убил?

– Он сказал, что вас.

– Меня? Меня? Но я же, я...

– Да, поэтому я поинтересовался о его фантазиях.

– Где Василий?

– Он у нас, и боюсь, что его состояние вызывает глубокое беспокойство. Он нуждается в первую очередь в помощи врачей, его помутившийся рассудок не отличает реальности от фантазий.

– Бедный Вася! – в ее руке, как у фокусника, из ничего возник белоснежный платочек, которым она вытирала появившиеся из глаз слезы.

Иван Дмитриевич приказал Соколову, чтобы тот привел Осипова.

Через пять минут, в течение которых в кабинете висела тишина, каждый был занят своими мыслями, дверь после двух-трех ударов открылась, и первым вошел Осипов со впалыми щеками, покрытыми многодневной щетиной, казавшейся грязным налетом, и остекленевшим пустым взглядом из-под густых бровей.

– Катя, ты уже вернулась? – бесцветным голосом произнес он.

Она же в изумлении смотрела на вошедшего, наверное, впервые увидела его в таком состоянии и небрежной грязной одежде.

– Тебе не больно? – сказал он, обращаясь, скорее всего, в пустоту, потому что смотрел куда-то в стену.

– Василий, – Иван Дмитриевич обратился к нему, но взгляд молодого человека по-прежнему оставался направлен в стену, – ты узнаешь Катю?

– Да, я ее убил два дня тому.

– Я жива! – воскликнула девушка.

– Ты снова пришла ко мне, – его губы безжизненно зашевелились, словно это он вернулся с того, неведомого нам света, – я рад тебя видеть, скоро мы встретимся.

– Иван, – Путилин обратился к Соколову, – бери сани и вези господина Осипова в больницу Николая Чудотворца на Пряжку.

Когда в сопровождении агента Василий был уведен, Иван Дмитриевич обратился к Екатерине.

– Госпожа Извицкая, я думаю, вашему жениху больше требуется помощь доктора, нежели сыскной полиции.

Хрупкие плечи девушки всякий раз вздрагивали при всхлипывании, маленькими ладошками она закрывала лицо.

Глава вторая

К чему приводят ночные прогулки

РЕСТОРАЦИЯ ГОСПОДИНА ДАВЫДОВА, что находилась на Владимирском проспекте, напротив Стремянной улицы, была известна петербуржцам как «Давыдка», или, с легкой руки завсегдатая – литератора Слепцова, «Капернаум», прозванная в честь города, упоминаемого в Новом Завете как любимое местопребывание Иисуса Христа. Тем самым Слепцов давал самую лестную характеристику заведению.

В первый зал можно было войти с улицы и, не снимая верхней одежды, пройти к большой стойке, где услужливый официант мог налить рюмку водки и поднести к ней на белой с каймой тарелке пирожок для закуски, откланяться и покинуть заведение. Хотя второй зал и не привлекал посетителей особой роскошью, но его отличительной чертой был поставленный у стены длинный стол с рядом чернильных приборов для господ литераторов, журналистов, художников и иных деятелей научного труда, которые здесь же иногда, когда не хватало времени, за рюмкой водки писали срочные статьи. В редкие дни за столом не появлялся Лесков, в прошлом году опубликовавший отдельной книгой свой роман «На ножах», коим событием сам автор был крайне недоволен, выражая свое негодование – редактор так приложил руку к правке, что Николай Семенович не узнал своего романа.

Терпигореву, недавно возвратившемуся из ссылки, и Тургеневу приходилось прилагать большие усилия, чтобы гасить невольный гнев довольно известного в России литератора...

Ныне же за соседним с литераторами столом сидели надворный советник Сергей Иванович Левовский, чиновник Экспедиции заготовления государственных бумаг, и ротмистр 8-го Уланского Вознесенского Его Высочества Принца Александра Гессенского полка Илья Николаевич Торонов, пребывающий в отпуску.

Левовский смаковал из высокого бокала французский кларет, перед ним стояли тарелки с бараными ребрышками, отбивной из телятины и твердыми итальянскими сырами. Его же приятель пристрастился в полку к русской водке, и перед ним возвышался запотевший графин, рядом стояли рюмка, две икорницы, квашеная капуста, нарезанная тонкими кусками буженина и соленые грибы.

Чиновник после второй бутылки вина чувствовал себя благостно, дела на службе шли прекрасно. Сергей Иванович со дня на день ожидал новой должности, что сулило немалую прибавку к жалованию, которого в последнее время не хватало из-за пагубного пристрастия к карточной игре. Он с превеликим удовольствием прикладывался к высокому бокалу, наполненному рубиновым терпким напитком, забывая о закусках.

– Завидую тебе, – Сергей Иванович крутил между пальцами ножку бокала, едва не выплескивая на белоснежную скатерть вино, – у тебя интересная жизнь: служба, походы. Шашку пристегнул – и вперед, а у меня... – он махнул рукой, едва не опрокинув графин.

– Сергей, не завидуй, – Торонов перехватил пытавшийся упасть графин и, словно фокусник, наполнил из него рюмку до краев, – я бы с превеликим удовольствием поменял свою службу на твою, ты уже надворный, скоро станешь коллежским, а мне до полковника... Эх!

– Что ты? Просто ты не представляешь. Каждый день одно и то же: копаешься в кипах бумаг, пишешь бесконечные отчеты, никому не нужные доклады.... Перестань упоминать о моем сидении в присутствии, мне становится от самого упоминания плохо, хотя лукавлю, и в моей службе есть некоторое разнообразие. Когда-нибудь я тебе расскажу об одном дельце, но как-нибудь потом, а теперь давай лучше за тебя, за твои походы и армейский дух, – он поднял бокал.

– Что ж, присоединяюсь, – Илья Николаевич с хитрецей прищурил правый глаз, – а как продвигается дело с Марьей Николаевной?

– Думаю, на Пасху ты не откажешься поприисутствовать на нашей свадьбе, – расплылся в улыбке Сергей Иванович и поднес бокал к стоящей на столе рюмке, которую подхватил Торонов. Они звонко чокнулись. Одним глотком Сергей Иванович проглотил огненный напиток и закусил паюсной икрой.

– А почему ты раньше не приглашал меня сюда? – Илья Николаевич сделал ложечкой круг в воздухе.

– Знаешь, мне нравится чувствовать себя причастным к русской литературе, что порой рождается за тем длинным столом, – он украдкой указал на соседний стол. – Там собираются литераторы и журналисты, чьи имена у нас на слуху. После службы хочется возвышенного, почувствовать себя человеком, а не бумажным червем. Кстати, ты видишь, вон сидит один с левого края с русой бородкой?

– Вижу.

– Так это автор «Отцов и детей»...

– Извини, Сергей, но я не любитель книг, поэтому мне, что отцы, что дети, одного поля ягоды.

– Ладно, забудь. А когда тебе в полк? – попытался перевести беседу в другое русло Левовский.

– Умоляю, не напоминай мне о службе, – рука опустилась на левую сторону груди, а лицо скривилось, будто Илья Николаевич съел лимонную дольку.

– Не буду, не буду, – откrestился от приятеля Сергей Иванович, – только и ты не говори мне о моей.

– Договорились.

– Еще по одной?

– Я по армейской привычке только «за», – он приложил два пальца к виску и отсалютовал, как польские офицеры, – кстати, если задумаю выйти в отставку, в твоём ведомстве не найдется теплого местечка для бывшего офицера?

– После того, как я получу новую должность, смогу помочь старому приятелю.

– За дружбу.

– За дружбу.

Около часа ночи, когда приятели расплатились, одарив официанта щедрыми чаевыми, и вышли на опустевший Владимирский проспект, морозный воздух наполнил грудь и заставил придержать дыхание от резкого вдоха.

– Сани?

– Нет, – ответил Сергей Иванович, – я предпочел бы пешую прогулку, после долгого сидения требуется размять ноги.

– По такому морозу?

– Какой мороз? – Левовский скривил губы. – Ныне хоть зима пришла, в прошлую так до Рождества снега не было, одна слякоть. Выпадет и растает, все мостовые были залиты грязью. Поневоле вспоминаешь годы, когда пробирался на горку, утопая в снегу, что заваливал город по колено.

– Ах, детство, детство, – поратовал Торонов. – Не тереби беззаботных воспоминаний...

На Стремянной улице им не встретилось ни одного человека, появилось чувство, что город опустел и они остались одни во всей столице. Приятели не видели, как из ресторана господина Давыдова вслед за ними, поднимая бобровый воротник, вышел высокий человек в темном пальто, подбитом медвежьим мехом. Он не таился, улица и без того была плохо освещена, а в темных местах он вообще был не заметен. Человек продолжал идти сзади, наблюдая за приятелями и прислушиваясь к каждому слову.

На Николаевской Торонов остановил приятеля.

– Мне налево, тебе, как я понимаю, направо.

– Точно... Может, ко мне? – Сергей Иванович предложил ротмистру. – У меня найдется бутылочка хорошей домашней настойки, присланной из дома.

У следующего за ними человека вдруг быстро застучало сердце, но ответ принес облегчение:

– Нет, извини, в другой раз, мне надо отдохнуть. Знаешь, устал. Притом завтра, нет, уже сегодня у меня важная встреча, а если я отправлюсь в твоё жилище, то буду не в состоянии здраво размышлять днем, – с улыбкой сказал Торонов приятелю, намекая, что если отправится к другу, они продолжат вечер за бутылкой, неважно чего: вина, водки или коньяка, – а сон останется мечтой.

– Что ж, – Левовский пожал руку приятеля, – это не последний вечер?

– Так точно, мон генераль, – приложил руку к цивильному головному убору ротмистр.

Сергей Иванович, шатаясь из стороны в сторону, не чувствуя морозных покалываний на щеках, махнул рукой.

– Генераль, – с трудом выговорил он, – когда будешь под моим началом, надеюсь, ты не перестанешь меня так называть.

– Конечно.

– Тогда не обессудь, вечером заеду к тебе.

– Буду ждать.

– До встречи.

– До вечера.

Сергей Иванович повернулся и бодрым, слегка нетвердым шагом отправился домой. Давало знать выпитое. Ему надо было пройти по Николаевской, чтобы свернуть на Новый проспект, где недавно начали возводить дома, но в связи с зимней порой и большими морозами приостановили стройку. Потом нужно было проскочить маленький переулок, который выходил на набережную обмелевшего Лиговского канала, а там и до дома два шага.

Мороз пощипывал щеки и добрался до рук, которые Левовский наконец-то додумался спрятать в карманы, оттого что куда-то подевал свои теплые перчатки.

Человек в темном пальто шагнул со Стремянной на довольно широкую улицу, но тут же отступил назад. По Николаевской шел неизвестный.

– Фу ты, черт, – тихим голосом выругался человек в темном пальто, – этого мне не хватало. – Поначалу он помедлил, пропустив незнакомца на десяток шагов, потом пошел вдоль домов, где была гуще тень.

Сперва Левовский не обращал внимания на незваного попутчика, но потом заметил, что незнакомец тоже старается держаться в тени. Он подумал, что это всего лишь случайность, но после того, как незнакомец свернул за Левовским на Кузнечный, а потом и на Новый, в душу Сергея Ивановича закрались сомнения. Судя по всему, он вызвал большой интерес у человека в темном пальто.

Когда Сергей Иванович свернул в Невский переулок, незнакомец змеей юркнул следом.

Человек в темном пальто потерял Левовского из виду всего лишь на несколько секунд. Когда он заглянул в переулок, то поначалу ничего не заметил, кроме темноты, но донесшийся глухой всхлип заставил отпрянуть назад и затаиться.

Тяжелые шаги прогрехотали почти рядом, человек в темном пальто едва успел вжаться спиной в небольшое углубление в стене, но тусклый свет все же позволил увидеть пылающий взгляд темных глаз, рассеченную надвое бровь – то ли старой раной, оставившей шрам, то ли просто показалось, и пышные усы незнакомца. Сердце пыталось вырваться на свободу, отдавая быстрыми ударами в голову.

– Что за напасть? – так с минуту простоял преследователь в простенке, прислушиваясь к звукам ночного города. Только когда успокоился сам и убедился в отсутствии постороннего шума, вышел из укрытия и решился войти в переулок. Ступал он на носках, словно боялся, что кто-то может его услышать. Он не сразу заметил лежащее у стены тело, опустился, и когда нащупал ручку ножа, внезапно отпрянул, но затем приподнял Сергея Ивановича. Тот был мертв. Незнакомец неосознанно сунул руку в боковой карман пиджака, нащупал мягкую кожу бумажника и аккуратно его вытащил, не иначе боялся потревожить убитого, сунул в карман своего пальто, таким же осторожным движением опустил убитого. Хотел вернуться на Новый проспект, но, заслышав скрип снега – кто-то вот-вот должен был свернуть в переулок, бросился бежать в сторону канала, где его скрыла ночная темнота.

Глава третья

Прерванный сон в зимнюю ночь

В ТРЕТЬЕМ ЧАСУ, когда крепкий сон не дает возможности после тяжелого дня оторвать голову от мягкой подушки, раздался настойчивый звон колокольчика. Иван Дмитриевич проснулся с первым звуком, наверное, многолетняя привычка ко всяким неожиданностям осталась гореть непогашенной свечой в глубине души. Сквозь дубовую дверь было слышно, как прошаркала по коридору незаменимая Глаша. Звякнула железная цепочка, с едва слышным скрипом отворилась дверь. Послышались неясные голоса, словно бубнили себе под нос. Путилин, даже не пытаясь прислушаться, тихонько поднялся с теплой постели, чтобы не потревожить чуткий сон жены и, не дай бог, не дать повод для ворчания. Он накинул толстый халат, подвязав его тонким поясом, взялся за потертую ручку, когда раздался тихий стук. Глаша жалела супругу и не хотела нарушать ее сладкого сна, потому что знала, что Иван Дмитриевич услышит даже едва различимые звуки.

Путилин осторожно повернул ручку и потянул на себя. Глаша от неожиданности отпрянула назад, екнула, трижды быстро перекрестилась и прикрыла лицо рукой. Во второй ее руке на кончике свечи дрожал огненный мотылек.

– Ой, Иван Митрич! – только и смогла выдавить она из себя, блестя глазами.

– Кто там?

– Посыльный, – она дышала тяжело, с придыханием, словно не могла успокоиться.

– Проведи в кабинет, пусть там подождет, – а сам повернулся, чтобы надеть брюки и рубашку.

Через несколько минут, застегивая верхние пуговицы рубашки, Путилин вышел в освещенный несколькими свечами кабинет, где с ноги на ногу переминался немолодой мужчина в полицейской форме. При появлении начальника сыска он вытянулся во фрунт.

– Здравия желаю, ваше высокородие, – произнес он хорошо поставленным голосом, но не слишком громко, чувствуя, что пошел третий час ночи.

– Что стряслось?

– Ваше высокородие, в половину второго городской Петров, несущий службу на Николаевской улице, проходя мимо Невского переулка, заметил темный мешок, лежащий у дома господина Ивановского. Решил проверить. Мешок оказался телом. Городской доложил приставу, тот меня направил к вам.

– Убийство, – констатировал Путилин.

– Так точно...

ОТ УЛИЧНОГО МОРОЗНОГО воздуха в первое мгновение перехватило дыхание, и Иван Дмитриевич прикрыл нос меховым воротником, а под санями хрустел примятый снег, и фыркание лошади оглашало округу тяжелым дыханием, которое с каждым выдохом сопровождалось молочными клубами.

Улицы города были пусты, только на некоторых перекрестках горели костры для обогрева прохожих по давнему распоряжению обер-полицмейстера. Дрова закладывались в круглые решетки из железных прутьев. Почти у каждого костра находился городской, который распоряжался, чтобы хозяева близлежащих домов выделяли дрова для обогрева бродяжного люда. Около полицейского жались к кострам несколько замерзших в рваной одежде, в рваных шапках или с завязанными платком ушами, дворовые голодные собаки с поджатыми хвостами вздрагивали от каждого движения людей и отскакивали в темноту при первом признаке опасности.

Иногда у таких костров стояли сани, извозчики подходили обогреться в ожидании седоков. В нынешнюю зиму, когда большие морозы обрушились на город, костры горели круглые сутки, даже чайные были открыты днем и ночью. По улицам несколько раз за ночь разъезжали конные патрули городских или солдат. Они смотрели, не замерзает ли кто на улице: пьяный, заснувший извозчик или бедняк, у которого нет пятака на ночлежный дом.

В Невском переулке, подняв высокий воротник и спрятав руки в теплые рукавицы, расхаживал, притаптывая снег, пристав Московской части 1-го участка подполковник Василий Евсеевич Тимофеев, приехавший тотчас же после получения сведения об убийстве неизвестного, хорошо одетого господина. Пристав угрюмым видом выказывал свое недовольство ночным вмешательством в спокойный сон. Это было удивительно, тем более что он сам послал за начальником сыскной полиции одного из городских.

Путилин выбрался из тесных саней, где сидел вполоборота с городовым, остановившись у фонаря, в котором за не очень чистым стеклом на столбе стояла керосиновая лампа, дающая больше сумрака, чем света, начал разминать затекшие от неудобного сидения ноги.

– Здравия, Иван Дмитриевич, – услышал он простуженный голос пристава, огласившего вслед за словами улицу сухим кашлем.

– Думаю, вам, Василий Евсеевич, здоровья не помешало бы, – ответил на приветствие Путилин.

С год, или нет, поменее будет, весной, на набережной Лиговского канала были найдены трое убитых... Если бы тогда не шли проливные дожди, омывшие берега канала, их никогда бы не нашли, а так обнажилась из земли почерневшая рука, которую заметил полицейский. С этого и началось знакомство Ивана Дмитриевича и Василия Евсеевича. Последний проявил себя думающим, знающим свое дело чиновником, дающим толковые распоряжения. Он никогда не пытался переложить вину на подчиненных, а вставал, когда надо, на их защиту. За что был уважаем сотрудниками, но оставался неугодным вышестоящим начальникам. Однако полицеймейстер 2-го отделения полковник Адриан Иванович Дворжицкий оставался доволен приставом 1-го участка Московской части.

– Вы правы, – Василий Евсеевич приложил к лицу платок, – немножко прихватило. Морозы доконали. А с нашими горожанами даже поболеть по-человечески невозможно, проишествие чуть ли не каждый день.

– Вот бы на время болезни начальника сыскной полиции преступления отменить, – Путилин подошел ближе и негромко добавил: – Я бы тогда, честно говоря, болел до отставки.

Пристав засмеялся хриплым сквозь кашель натужным смехом.

– Кто там у нас? – Путилин кивнул на убитого, черным мешком лежащего у стены дома.

– Судя по одежде, человек небедный. Но меня больше интересует вопрос, что он делал в этом переулке, рядом с каналом, славящимся людьми отнюдь не примерного поведения?

– Попробуем разгадать эту загадку. Позвольте мне взглянуть?

– Да, да. Правда ваша, сегодня я вам не помощник, извините.

– Василий Евсеевич, перестаньте. Лучше пройдите в теплое место, чтобы окончательно не слечь, болезнь надо лечить, а не давать ей тело на растерзание.

– Хорошо, – согласился пристав, – если я понадобится, пошлите за мной городского.

– Идите, Василий Евсеевич, я после полудня буду у вас и проинформирую об убитом и мерах, предпринимаемых мной в сторону розыска преступников, и том, чем можете вы мне помочь.

– Вы думаете, он был не один? – пристав имел в виду преступника.

– Пока не знаю.

– Тогда разрешите откланяться?

– Лечитесь, Василий Евсеевич.

Сколько он на веку пересмотрел и убитых, и покалеченных, но всякий раз не мог со спокойным сердцем видеть деяния рук человеческих, хотя убийцу и нельзя назвать человеком, но можно отдать должное некоторым вполне образованным, как нынешней весной. Из Обводного канала артель грузчиков выловила в мешке тело без рук и ног, следствие не заняло много времени, но тогда в результате розысков поймали шайку, возглавляемую образованным человеком дворянского звания.

Вчера, как и предыдущими днями, снег не падал с наших питерских небес. Дворники же имеют приказание ранним утром убирать выпавшее за ночь, приводя свой участок улицы в надлежащий вид. Здесь, в Невском переулке, удаленном от центральных проспектов, по всей видимости, не слишком ретивые хозяева, поэтому их дворники не выполняют надлежащим образом свои обязанности.

– Кто нашел убитого? – спросил Иван Дмитриевич, не поворачивая головы. Все равно в свете едва живого фонаря видны только темные тени.

– Я, ваше высочордие, городской Петров!

– Подойди ближе, – когда тот приблизился, Путилин вновь сказал в темноту: – И принесите сюда света.

Городовой вытянулся, словно на параде.

– Как тебя по батюшке?

– Иван Иваныч.

– Так, Иван Иваныч, рассказывай, как его, – указал на черный куль, – нашел.

– Ваше...

– Иван Иваныч, обращай ко мне Иван Дмитрич, – устало выдавил из себя Путилин. В минуту, когда люди именуют предписанным уставным обращением, становишься для них начальником, и они начинают рапортовать казенными сухими фразами. Зачастую от них невозможно добиться нужных сведений, а имя с отчеством как-то делают разговор приближенным к земле.

– Я, ваше... Иван Дмитрич, – поправил себя городской, не дав хода уставному обращению, – в нынешний мороз, обхожу порученные мне улицы раз в час.

– А как ты идешь? – перебил его Путилин.

– Там на перекрестке Нового и Кузнечного горит костер, так там я греюсь, потом до канала Лиговского, по набережной до Невского проспекта, по нему до Нового, а там и до Кузнечного.

– А как зашел в переулок?

– Да я бы мимо прошел, но меня словно под руку кто толкнул. Повернул, прошел десяток саженей, вижу, что-то темное, вроде мешка, валяется, вот и решил поближе посмотреть.

– Раньше при обходах заходил?

– Поверите, сюда никогда... Говорю как на духу. Тут всего-то пять домов, три по левой стороне улицы, два по другой, и проверять-то нечего, всегда тишина и покой. Видите, темень какая. Люди боятся ночной порой здесь ходить, стороной обходят.

– А сам-то?

– А что я? У меня дома трое, а тут и без того опасно вечерней порой появляться.

Путилин только тяжело вздохнул, со свистом выпустив воздух. Что здесь можно сказать? Улицы на этом участке изобиловали притонами и приезжими бандитами.

Убитый лежал, уткнувшись лицом в мостовую, из спины торчала причудливая рукоять. Удар нанесли под левую лопатку мастерски, одно движение – и человек даже не почувствовал, как его душа отправилась в неизведанные дотоле места. Одет убитый был в дорогое пальто с меховой подкладкой. Шапка валялась рядом, припечатанная к мостовой чьим-то сапогом. Внимание Путилина привлекла ровная палка в аршин длиною, лежащая в стороне от убитого. Поднял он ее и только тогда понял – рукоять, торчащая из спины, как нельзя кстати подходит

к круглому длинному предмету, что он сжимал в руке. Преступник ходил с тростью, которая являлась к тому же оружием. Вот и маленькая ниточка – надо попытаться найти хозяина, если, конечно, это диковинное оружие изготовлено в столице.

Проверил карманы и, кроме горсти монет, серебряного портсигара с вензелем (хозяина ли?) и золотого брегета с массивной цепью того же металла, ничего не было, ни намек на имя, ни единой бумажки, ни завалявшейся визитной карточки. Хотя нет, а портсигар? Он ныне становился вторым кончиком из клубочка. То, что придется устанавливать фамилию убитого – один из моментов сыскной работы. Лежащий на очищенном от снега тротуаре не нищий без роду и племени, а вполне обеспеченный человек, и из этого обстоятельства предстоит строить пути дальнейшего розыска, которые на нынешнюю минуту вели неведомо куда.

– Ваше высокородие, – обратился к Ивану Дмитриевичу околоточный, приложив руку к шапке.

– Слушаю, – не сразу ответил Путилин, погруженный в неясные мысли.

– Ваше высокородие, куда убиенного везти? В Обуховскую?

На минуту начальник сыска задумался. Можно, конечно, отвезти в Обуховскую, там доктора опытные, знающие, но в анатомическом Васильевской части обратят более пристальное внимание на убиенного, подметят самое незначительное.

– В анатомический на Васильевский, – подытожил Путилин.

– Разрешите исполнять?

– Да, – и добавил: – Пожалуй, больше ничего нового здесь не найти.

Когда убитого увезли, Путилин остался стоять под фонарем, едва освещавшим мостовую. Улица маленькая, пять домов в несколько этажей – участок, кишачий не слишком честными горожанами. Что же надо было тут этому господину в дорогом пальто? Путилин сам осмотрел здания, но, увы, к своему сожалению, ничего подозрительного не заметил. Подумал, что придется навестить сей переулок, когда град озарится дневным светом. Откуда мог идти убиенный? И почему не взяли извозчика? С Невского ли? Вполне может быть. С Владимирского? Далековато. С Нового? Но там нет привлекательных для небедно одетого человека увеселительных заведений... Хотя он мог идти от приятелей. Вполне возможно.

Иван Дмитриевич поднял взгляд к небу. Дома черными стенами уходили вверх и там сливались с небесной темнотой. Сколько он жил в столице, но так и не смог привыкнуть к погоде града Святого Петра, где тяжелые тучи неделями висели над городом, словно непременная деталь пейзажа. Изредка мелкие снежинки закружатся в воздухе, давая в подарок ветру колючие иголки, которые порывы ветра бросают прямо в прохожих...

ШЕЛ ШЕСТОЙ ЧАС, когда начальник сыска, отряхнув с обуви снег, поднялся в свой кабинет, ставший за эти семь лет до боли знакомым. Напротив входа висел портрет Государя в полный рост, с которого тот неотступно строгим взглядом следил за исполняемой службой, словно хотел проверить, с каким усердием идет доверенное Путилину искоренение нарушителей закона в столице.

Будто ведя с ним немую беседу, Иван Дмитриевич пожал плечами и развел в стороны руками, словно оправдываясь за ночное происшествие, совершенное неизвестно кем и неизвестно с каким умыслом.

Наконец Путилин сел в любимое кресло, откуда он, слава богу, не видел пронзительного взгляда нарисованного самодержца, оставшегося за спиной. Потом Иван Дмитриевич пододвинул к себе лист бумаги, чернильный прибор, открыл крышку чернильницы, взял перо и застыл в нерешительности. Перед глазами стояла картина из Лиговского переулка: темная груда, одетая в пальто, словно мешок, из которого выросли ноги в дорогой обуви и руки, раскинутые в стороны. Казалось, мешок силился обнять землю-матушку. И конечно же причудливая рукоять ножа. Пока не было ни малейшей зацепки, а в голове вертелись лишь слова из какого-то

романа: «Ночь опустила траурные крыла на грешную землю». «Опустила и унесла с собою еще одну молодую жизнь», – мысленно добавил Иван Дмитриевич.

Если в первые минуты не приходит ничего стоящего, стоит на некоторое время отвлечься от насущных проблем, чтобы потом вернуться с новыми чувствами и новыми решениями, это Путилин знал по собственному опыту.

Сначала он хотел позвать дежурного чиновника, чтобы тот принес стакан горячего чая, но потом сам себя одернул. С мороза, конечно, можно было бы, но не стоит. Вместо этого он достал из верхнего ящика стола вчерашние газеты, которые, к своему стыду, не успел дочитать до конца.

Он приступил к изучению прошедших событий.

Бушевавшая в ночь на вчерашнее число снежная буря наделала немало бед. Все вчерашние утренние поезда из Москвы прибыли в столицу со значительным опозданием. Сила ветра около четырех часов ночи была настолько сильна, что некоторые поезда, отбывавшие из Москвы, принуждены были делать продолжительные остановки на станциях.

Из уездов Московской губернии сообщают, что снежная буря сорвала в деревнях соломенные крыши.

Застигнутым в пути на проселочных дорогах проезжим приходилось останавливаться в поле и ожидать утра.

Снежные заносы на железнодорожных линиях начали приносить хорошие заработки крестьянам Московской и соседних губерний. Над расчисткой железнодорожных путей крестьяне некоторых деревень работают уже третью неделю, по цене от 80 копеек до 2 рублей в день или за каждую рабочую упряжку.

Хорошо, что столицу миновала этакая напасть, иначе нашелся бы убиенный через несколько дней, добавились немалые заботы по установлению личности.

Следующая корреспонденция поразила своей необычностью, когда женщина переодевается в мужской костюм для совершения злоумышленного поступка, чтобы быть неузнанной, это Путилину было понятно, но здесь... у него даже брови помимо воли поползли вверх.

Нижний Новгород.

В старом городе проживает одна женщина, около десяти лет носящая мужской костюм и стриженная «под польку». Очень немногие из жителей знают, что под костюмом мужчины скрывается женщина, именующая себя Егором; настоящее ее имя – Ульяна. Невысокого роста, плотного телосложения, Ульяна – Егор работает довольно тяжелую работу, таскает тяжести от 5 до 7 пудов и так далее и зарабатывает хорошие деньги.

Ранее Ульяна принадлежала к запретной секте и по сектантскому обряду была выдана замуж, но жила замужней всего лишь несколько месяцев, а потом, бросив мужа, перешла в православие.

Ныне Ульяне 29 лет от роду. На вопрос, почему Ульяна носит костюм мужчины, – она говорит, что если бы она носила женскую одежду, то зарабатывала бы не более 3–4 руб. в месяц, в мужском же костюме она зарабатывает от 12 до 15 руб. в месяц. Ульяна имеет свой дом, который она с год тому назад отстроила.

В этот миг Ивану Дмитриевичу захотелось воскликнуть вслед Цицерону: «О времена! О нравы! К чему идем?»

Страшно читать отчеты по полицейским участкам о совершенных злодеяниях, а еще страшнее становится читать газеты, в которых много кровавых подробностей житейских драм, словно читатель получает удовольствие от прочитанного. «И мальчики кровавые в глазах»,

прав был Александр Сергеевич, предвидел падение моральных устоев не только в своих строках. «А может, это старость незаметно подбирается ко мне, заставляя брюзжать по поводу и без оно?» – подумалось Путилину.

Итак, господа полицейские чиновники, что до расследования, стоило обратить внимание на личность убитого, она неизвестна, но это скоро выяснится. Придется отправить в анатомический театр городских и околоточных, несущих службу на ближайших к месту убийства улицах, чтобы те смогли опознать убиенного. А если не опознают? Хотя, скорее всего, несчастный жил недалеко от места убийства, а может, приходил к кому по-приятельски. Далее стоит посетить ближайшие увеселительные и питейные заведения, обратить внимание на почтенные рестораны от Николаевской, нет, пожалуй, от Владимирского до Гончарной и от Разъезжей до Малой Итальянской.

Начальник сыска надеялся, что вскрытие добавит свою лепту в расследование: как нанесли смертельную рану? Торопливой рукой или расчетливо поставленным ударом? Был ли пьян несчастный на момент убийства? Да, еще трость, очень приметная. Надо заняться и этой стороной медали, ведь кто-то же заказал ее. На таких вещах мастера, да и не только наши, предпочитают оставлять свой знак, клеймо, показывая тем самым мастерство перед сотоварищами по ремеслу...

Глава четвертая

Пробуждение молодого повесы

ПРОБУЖДЕНИЕ ДЛЯ НЕГО стало внезапным, словно кто-то изнутри заставил открыть глаза. Сумрачный свет проникал в комнату сквозь неплотно закрытые шторы и молочные узоры на стекле. Проснувшись, человек заложил руки за голову и устремил взгляд в потолок, который белой простыней навис над комнатой.

«Воскресенье, – иглой вонзилось в голову, – очередное воскресенье. Достойное завершение недели, – он скривил губы, и не было понятно, хотел он улыбнуться или нахмуриться, – очередной год заканчивается».

Его бросило в холодный пот при мысли о ночном убийстве.

Что все-таки произошло? И этот пышноусый незнакомец. Кто он? Откуда взялся? Странно, что кто-то еще заинтересовался мелким чиновником Экспедиции заготовления государственных бумаг? Может быть, случайность? Тогда почему незнакомец не обшарил карманы, а сразу же сбежал? Страх? Но зачем убивать?

Без причины ничего не происходит.

Человек в постели потянулся за стаканом воды, который всегда ставил на ночь, выпил маленький глоток и поставил стакан на место. Потом его вновь бросило в жар, даже капельки пота появились на лбу. А зачем мне его бумажник? Зачем я залез в карман? Он покосился на толстый черный бумажник, лежащий около стакана, и ему стало как-то не по себе, вроде бы ты ни при чем, а чувствуешь вину за поступок другого человека. Слово «поступок» обожгло так, что лежащий укусил указательный палец, чтобы невзначай не закричать от страха. «Как же можно назвать 'поступком' лишение жизни даже такого гадкого человека, как Левовский? – снова пронеслось в голове у лежащего. – Как быть? Поехать к Марье Николаевне? Что я там скажу? Беспечно вести себя после происшедшего я не смогу, а сидеть рядом с ней с угрюмым видом я не сумею. Да и куда деть бумажник?» Он покосился на странный предмет рядом со стаканом. Казалось, тот сам притягивает взгляд, но было боязно взять его в руки, словно он сможет оставить на ладонях несмываемые кровавые следы.

«А ведь нет больше препятствия для нашего с Машенькой счастья!» – молодой человек аж подскочил на кровати, сел и руками потер виски от неожиданно пришедшей мысли. Такой счастливый поворот фортуны в судьбе молодого человека сам по себе не мог упрочить положения для завоевания сердца Марии Николаевны. Ведь для получения руки девушки нужны средства, а их-то не предвиделось. Хозяйство пращуров разорено стараниями отеческих забот, а действительный статский советник Николай Васильевич Залесский, директор Департамента железных дорог и чиновник особых поручений при начальнике Главного Морского Штаба, папенька Машеньки, никогда не отдаст руку одной из дочерей начинающему юристу без состояния, а точнее, без копейки за душой. Вот если бы...

Молодой человек не утерпел и вскочил с постели. Ему хотелось до боли в сердце повидать прелестную девушку, за одну улыбку которой и щебетание о пустом он готов был жизнь отдать.

Для того, чтобы нанести ей визит, было слишком рано, поэтому молодой человек заварил себе чаю и, отхлебывая горячий напиток, не заметил, как наливает третью чашку, поглядывая на последнее оставшееся у него богатство – брегет, подарок деда, немного потертый, но показывающий точное время, еще ни разу не отданный в починку. Делали ж в прежние времена, «не то что нынешнее племя».

Стрелки едва передвигались, выказывая нетерпеливому человеку свою медлительность. Взяв в руки «Русский вестник» за прошлый месяц, вспомнил, что не прочел еще вторую часть романа графа Салиаса «Земцы и немцы» из времен Екатерины Великой.

– ...Нешто это свадьба была? Это самокрутка! Мархешван какой-то! – ворчливо говорил князь Родион Зосимыч, угрюмо сидя у столика с шашками против Кречетова. – Эдак и татарва не женится!..

Молодой человек очнулся от забытья на десятой странице, но он не помнил ни слова из прочитанного. Голова была забита совсем другим. Он вернулся к первой странице и со злостью запустил журналом в стену, прочитав первые слова, которые, словно издеваясь над ним, вещали о свадьбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.